

НА БЕРЛИН!

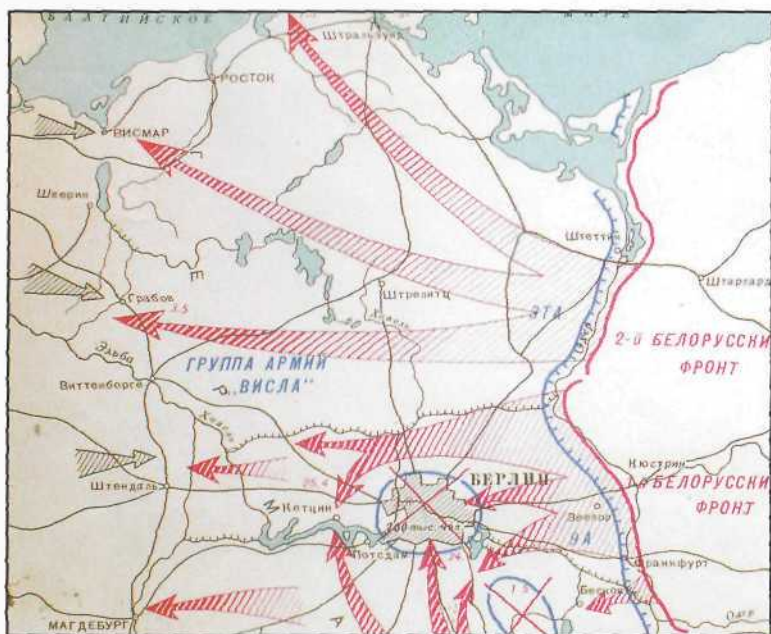
Герои Советского Союза

Панов А.С.

Кагыкин П.П.

Карта Берлинской операции 1945 г.

На Берлин!

**Сборник очерков
о наших земляках — участниках
Берлинской операции**

**г. Биробиджан
2005 г.**

Общественная редколлегия:
М.М. Жирдецкая (председатель),
М.П. Клименков,
Е.И. Кудин, А.Я. Рабинович

© Правительство Еврейской автономной области

Дорогой читатель!

Ранним утром, 9 мая 1945 года, в каждый город, каждое село, каждый дом в нашей стране пришла радостная, долгожданная весть — закончилась Великая Отечественная война. Закончилась Победой в самой масштабной и самой жестокой из всех войн, которые знало человечество. Путь к победе был долог и тяжёл. 1418 дней и ночей, полных безмерных тягот и лишений, — и всё это во имя будущего, беззаветной любви к Родине, для того, чтобы на нашу землю пришел мир.

Одним из важнейших этапов на пути к Победе, его заключительным аккордом стала битва за Берлин. Одна из самых упорных, самых кровопролитных битв в российской и мировой истории. Город, откуда началась Вторая мировая война; город, объявленный геббельсовской пропагандой «немецким Сталинградом», который будет защищаться «до последнего немца»; город, где буквально каждый дом стал крепостью, был взят Советской армией в считанные дни. И есть высшая справедливость в том, что символом победы над фашизмом, вопреки расчётам и желаниям иных политиков, стал именно красный флаг над разрушенным рейхстагом.

Берлинская операция в ряду битв Великой Отечественной войны занимает особое место: в ней великое торжество Победы как нигде больше неразлучно с высокой печалью о тех, кто не дожил до неё буквально считанные дни и даже часы. Тысячи солдат и офицеров пали на подступах к фашистской столице и в ожесточенных боях в самом городе. И среди них - погибших и выживших — были и наши земляки. Эта книга посвящена их судьбам, их подвигу.

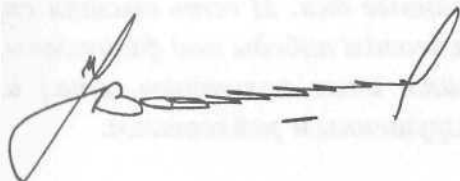
Битва за Москву, за Сталинград, Курская дуга, битва за Днепр... За четыре года войны не было ни одного сражения, где не принимали бы участия наши земляки, внося свой вклад в достижение общей победы. И потому не будет преувеличением сказать, что буквально каждая страница летописи Великой Отечественной войны связана с нашими ветеранами. Пример тому — последнее великое сражение Отечественной войны, битва за Берлин.

С той славной поры минуло 60 лет. Выросли новые поколения, до неузнаваемости изменилась страна. Тем бесценнее живая память о людях и событиях огненных и горестных лет Великой Отечественной войны. Сборник очерков «На Берлин!», который ты, читатель, сейчас держишь в руках, — доказательство того, что ветер времени никогда не сотрёт из памяти народа Великую Победу 9 мая 1945 года!

Губернатор

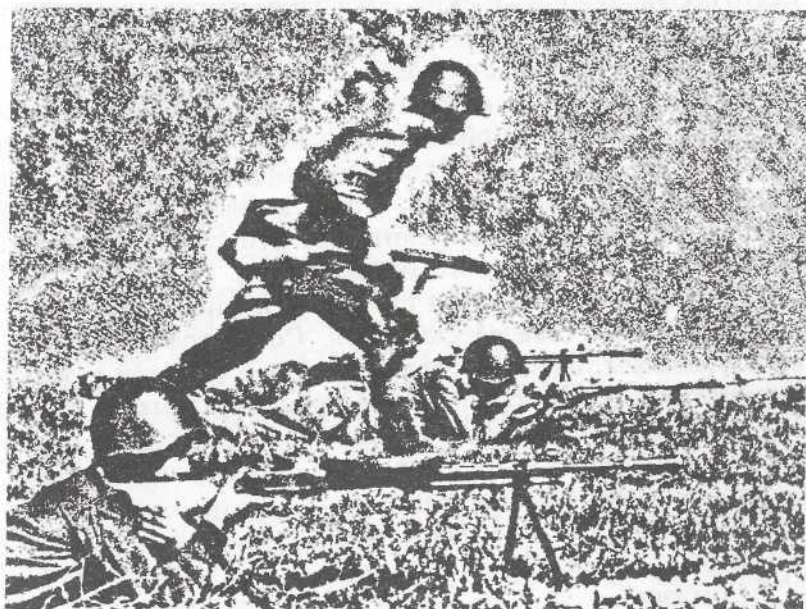
Еврейской автономной области

Николай ВОЛКОВ

Николай СУЛИМА

НЕ ХОТЕЛИ ПОСМЕРТНОЙ СЛАВЫ

Сколько дней и ночей умчало с тех пор быстrokрылое время. Уже и темно-руссая шевелюра поредела, поникла под декабрьской порошей, а некогда добродушное молодцеватое лицо опутали паутинки морщин. Да и мир стал казаться не таким, как прежде, загадочным и безмятежно розовым. Что ни говори, многое успел познать за прожитые годы, многому успел научиться. А вот поди же ты, сутью своею Семеныч остался тем, кем был много-много лет назад. Никак не отважится взойти на тот пьедестал, что воздвигла для него

судьба солдатская. Будто стыдится, что на его груди сияет золотом Звезда.

Сегодня вот тоже... В очередной раз пригласили школьные ребята.

Куда денешься?

Облачился в пиджак с наградами, глотнул чайку. Пошел. За стол усадили. Притихли ребята: слушаем, мол, вас. А он, будто провинившийся ученик, откашливается в кулак и часто-часто моргает глазами. Уж очень захотелось ему выплеснуть в этот переполненный детворой зал слова:

- Полно вам, ребятки! Не глядите на меня так зачарованно. Я самый что ни на есть обыкновенный. Мне тоже не хотелось посмертной славы. Слава живым нужна. Но, поверьте, я и мысли не допускал получить что-то взамен сделанному. Я был бы безмерно рад разделить вот эти самые награды с теми, кто не дошел до того майского дня.

Но, конечно же, как это случилось и много раз прежде, он не позволит себе расслабиться. Соберется с мыслями, простуженным голосом поведет рассказ о том, как в лихую годину люди стеной встали против черных вражьих туч, чтобы вот этим самым девчонкам и мальчишкам легко, без страха и сомнений, шагало в прекрасную страну розовой мечты.

Кто-то из детишек спросил:

- Была ли у Вас заветная мечта?

- Была, - сказал Семеныч. - Была.

- Сбылась?

- Сбылась, ребята. Сбылась...

Не звонкой, пожалуй, даже весьма скромной была мечта. И заронил ее ненароком в Сашкину душу его отец - путевой обходчик, многодетный старожил Волочаевки Семен Панов.

Ранним утром он накидывал на плечи старенький брезентовый дождевик, прихватывал сумку с едой да инструментами и неспешно шагал по железнодорожному полотну в сторону Хабаровска или Ина, временами постукивая молотком по накатанным до блеска рельсам. В летнюю пору, когда не надо в школу, за отцом частенько

увязывался Сашка. Панов-старший не противился: пускай сорванец сызмальства приобщается к делу.

Мальчонка помогал отцу приводить в порядок пути, кипятил чай либо обшаривал грибные релки, прилежавшие к железнодорожной насыпи.

Как-то в одной из релок Сашка случайно наткнулся на "трехлинейку" с заржавленным стволом и полуистлевшим прикладом.

Разглядывая находку, отец раздумчиво покачивал головой и заговорил с ней, как с живой.

- О-хо-хо... Может быть, кто-то из ее владельцев покоится в той братской могиле, что у памятника музея...

Никак не мог он понять, зачем людям оружие? Зачем убивать друг друга... Место оружию в музее. А еще лучше - в мартенах на переплавке. Сколько рельсов можно было бы протянуть по земле-кормилице!

Когда, громыхая, приближался железнодорожный состав, отец поднимал зеленый флажок - путь безопасен! Сашка становился рядом: пусть все, кто едет в поезде, знают, что он тоже причастен к ремеслу хозяина путей. Вот так, исподволь, железная дорога и вошла в Сашкино сознание, в его мальчишечью плоть. Именно с нею и решил он связать свою судьбу.

Панов-старший не стал перечить. Совсем не худо быть железнодорожником.

Разумеется, Саша пошел дальше отца. Во-первых, семилетку закончил. Причем довольно неплохо. А батя всего-то пару недель в церковно-приходской проучился. Читал по слогам. Во-вторых, Саша не к какому-то «дяде Пете» за наукой пошел, а поступил в ремесленное училище. В слесарную группу. Так-то! Учился - не ленился. За смекалку хвалили. Прочили завидную рабочую карьеру. Да он и сам мечтал об этом же.

Окончил училище - послали в Красноярск работать в депо. Новыми друзьями обзавелся. Девчата обстреливали очами. И он сам, кажется, начал влюбляться в одну деповскую дивчину. Что-то будет!

Весна будет. Жаворонки будут. И чудный цветок марьин корень. Много цветов будет. Как там, в краю Приамурском.

Нет, весна не цветы принесла. Слезы матерей, невест и сестер принесла. Вспомнились отцовские слова: "Место оружия - в топках мартенов". Как ты ошибался, отец! Не пришло время.

Тормозит поутру дружок по училищу, хабаровчанин Алешка Горячев.

- Слушай, Сашка! Давай заявления напишем. Может, возьмут? А?

- Вчерась я к начальнику депо ходил. Бронь, говорит, сидите и ждите, говорит.

Война вносила свои коррективы в жизнь и быт страны. Сводки Совинформбюро становились все тревожнее. В блокаде Ленинград. Враг у предместий Москвы... Рвется к Сталинграду... Все больше похоронок... Фронту оружие нужно. Фронт крепко нуждается в пополнении.

Рабочие места парней в депо занимают недавние школьники. Парни же уходят на войну.

Подоспел черед и Саши Панова.

На призывном спросили:

- Специальность?

- Слесарь я, слесарь, - обрадованно заговорил Саша, уверенный в том, что, поскольку он слесарь и имеет касательство к технике, то уж обязательно зачислят его в танковые или, на худой конец, в какие-либо другие технические войска.

А в ответ - будто обухом по темени:

- Панова - в кавалерию!

Попытался возразить. Но, услышав категоричное и хлесткое: "Прекратить разговоры!", - покорно отошел в сторону. Понял: теперь его судьба в чужих руках.

Алешка Горячев попал в другую часть. Буквально через три месяца Саша с горечью узнал из письма родных, что он погиб в первом же бою.

Их кавалерийский корпус, сформированный из молодых ребят, не спешили отправлять на фронт. Но, пожалуй, лучше уж на передовую, чем эти многочасовые учения в пыльную жару - с бросками и форсированием рек, нарядами и

караулами, чисткой лошадей и тяжелой работой на заготовке кормов для них, с частыми повторениями "Тяжело в учении - легко в бою".

Да, конечно, очень меткие эти суворовские слова. В них непреложный закон жизни солдатской. Но все же придет время, и рядовой Панов мысленно поспорит с великим полководцем. Да, скажет он себе, без учений не бывает солдата. Но каким бы учение ни было трудным, оно все равно не идет ни в какое сравнение с подлинным боем. За много верст до передовой убедила его в этом суровая реальность.

Догоняли передовую ночами. Днями, укрываясь от вражеской авиации, кавалеристы отсиживались в лесах, оврагах да в подворьях сожженных деревень.

Но ведь и гитлеровцы не такие уж простаки. Крепко усвоили, сукины дети, свое смертоубийственное дело. Закружит вдруг по задымленному небосводу двухфюзеляжный бронированный самолет-разведчик, нареченный фронтовой братвой "рамой", обязательно жди - табуном нагрянут. Хорошо еще, когда зенитчики рядом, прикроют. А если их нет? Если те, на кого атака, с одними автоматами да ручными пулеметами? Попробуй, отбейся. Разъяренными ястребами накинутся в пике крестокрылые штурмовики, окатят крупнокалиберной лавиной и фугасами. А ты не моги. Ты ищи на земле спасительную ямку, коль не успел приготовить окопчик.

А уж первый-то, первый налет! Вспоминать жутко и совестно.

Было это где-то на Брянщине во время очередного привала. Отоспавшись после ночного похода, кавалеристы развлекались разными байками. Панов сидит, опершись на шершавый ствол старого вяза, со скептическим настроением слушает историю амурных походов гораздо "потравить баланду" лопоухого, с приплюснутым носиком и лицом, осыпанным конопушками, солдатака.

Рядом, блаженно раскинув руки в стороны, лежит на спине командир взвода лейтенант Михалев. Ребята гогочут, хоть и

смешного-то в этой байке - ноль без палочки.

Вдруг слышится нарастающий гул моторов. Лейтенант поднялся и без труда определил по звуку: самолеты чужие. Засекли, черти! Не зря "рама" кружила.

- Воздух! - горланит лейтенант.

Откуда-то с восточной стороны донеслись хлопки винтовочных выстрелов, автоматные очереди. Бьют по самолетам ребята. Да только что из этого? Помощнее оружие нужно. Зенитки, зенитки нужны.

Гул усиливается, и вскоре Саша видит над собою темный силуэт самолета. Машина качнулась из стороны в сторону, и в те же секунды от ее брюха отделилось несколько черных предметов.

- Братцы! Летят бомбы! - не своим голосом завопил Панов и бросился в ту сторону, куда шли самолеты. Но взводный осадил его, как пугливого коня. "Стой, мать твою! Назад! Ложись!"

Команду эту Саша счел губительной. Да ведь приказ - куда денешься? Несколько прыжков в обратную сторону, ничком прильнул к пожухлой траве рядом с командиром взвода. Ладно, компанией помирать легче...

А может быть, он уже и помер? Может, уже вошел грешником в ад кромешный? Пойди, разберись.

Воздух и землю сотрясают огромной силы разрывы. С визгом разлетаются по сторонам осколки, падают на рыжую траву срубленные ветки деревьев, разрывает легкие удушливая тошнотворная гарь.

Потом все стихло. Лишь откуда-то из глубины бора доносятся ржанье лошадей да возбужденные человеческие голоса. Ничего. Обошлось. Появились наши ястребки, погнали немецких штурмовиков куда-то на юго-запад. Там завязался воздушный бой и, кажется, нашим удалось отправить одного крестокрылого к своим предкам. Эскадрон не понес урона. Лишь двое получили ранения. Что до Сашки, то он, конечно, получил травму. Ее нанес Панову лейтенант Михалев своим кинжальным языком.

Отдав взводу очередное распоряжение по поводу

предстоящего марша, он подошел к Саше и с этакой убийственно-хитроватой улыбкой на запекшихся губах сокрушенно покачал головой.

- А ты, Панов, оказывается, совсем не храброго десятка. Чуть выглянули фрицы из-за облаков - и уже зайчишкой прижал хвостик, наутек пустился. Если так будем воевать, то долго придется идти до Берлина. А ну-ка, вспомни, Панов, о присяге. О чем говорится в ней? Вспомни... Вспомни... Быть храбрым, дисциплинированным воином.

Взвод гогочет, а Саша молча переминается с ноги на ногу, готовый провалиться сквозь землю.

Потом лейтенант принялся учить Сашу уму-разуму, а заодно и остальных бойцов.

- Как боец должен действовать при воздушном налете? А? Он немедленно должен уйти в укрытие! А если нет его - рассредоточиться, занять лежачее положение и открыть по самолетам огонь. Когда самолет прямо над тобой сбросил бомбы, как это случилось сегодня, ни в коем случае не беги в сторону его полета. Оставайся на месте. Иначе как раз и угодишь под бомбу: лететь бомба некоторое время продолжает по инерции, приданной скоростью самолета... По траектории то есть... Ясно?

Панов интуитивно понимает: трудно на войне тому, кто не сможет приглушить, загнать в самые потаенные уголки своего бытия проклятое чувство страха. Заклюют! И, может быть, поэтому он испытывает сейчас какое-то чувство раздвоенности в отношении ко взводному. С одной стороны, - обида за такую вот бесцеремонную пощечину в присутствии всего взвода, а с другой - и благодарность за науку. А может, даже больше, чем за науку? Может быть, тогда, при бомбежке, лейтенант своим властным окриком отвел от него беду? Ведь именно там, куда кинулся было он, шарахнула первая бомба, с корнем выдернула из земли и швырнула в сторону на добрый десяток сажен разлапистую сосну.

Он чувствует, как по спине сбегает мурашки. Да, видать и впрямь хреновый из тебя воин, Александр Панов - сын

доброго и очень миролюбивого мужика из легендарной Волочаевки.

Ну да ладно, время исцелит. Надо только укрепиться, ни в коем случае не дать себе расслабиться. Нет уж, впредь Саша ни за что на свете не выкажет страха. Даже перед лицом смерти. Вот поглядите, ребята. Вот поглядишь и ты, лейтенант!

Чудак-человек! Как будто лейтенанту досуг особо приглядываться к Панову. Был бы он один у Михалева. Было бы у лейтенанта поменьше других дел. Чего вон стоят одни занятия немецким языком?! День начинается с учебника и кончается им же. "Впереди Германия, - рассуждает. - Впереди Берлин. Трудно будет без знания немецкого!" А уж когда на передовую пришли, и вовсе дни и ночи смешались в заботах. Но все же армия остается армией. Хочешь не хочешь, а если ты командир, тем более взводный, должен постоянно держать подчиненных на виду, как на ладони.

Панов быстро и как-то незаметно для постороннего глаза вжился во фронтовое бытие. Он с напускным равнодушием завязного солдата переносил артобстрелы, атаки гитлеровцев, тяготы маршей, напрашивался на рискованные операции. А иногда и сам придумывал такие операции, за которые, случалось, получал от начальства взбучки.

Были дни, когда по какой-то причине нарушалось снабжение продовольствием. Старшина не мог предложить ничего другого кроме рыжего и неприятного на вид варева из залежалой чечевицы. А когда харч скудный, то, известное дело, и разговоры солдатские в минуты досуга главным образом лишь о нем!

Собрались как-то вечером у окопчика командира первого отделения. Размечтались.

- Варэничков бы, да с чарочкой, - дразня желудки солдат, басит на мове солдат Олешко.

- От жеребятинки жирненькой не отказался б., - это уже голос паренька из Татарии.

Как-то сама по себе рождается идея. Там, на нейтралке, у расколотой снарядам ракиты, - подбитый немецкий

автофургон с походной кухней. Видно, незадачливый шофер выехал на опасный участок, и наши не упустили случая ударить. Теперь вот стоит грузовик, нагло оттопырив в нашу сторону заднюю часть кузова и дразня солдат запахами съестного.

- Может, рискнуть? - роняет кто-то из солдат.

- Лейтенант не разрешит, - говорит отделенный.

- Так он же у старшего начальства совещается, - вносит поправку Александр Панов. - К его возвращению успеем навести ревизию.

Отделенный оказался человеком стоворчивым.

- Пойдет кто?

- Я, - вызвался Панов. - Чего не пойти-то?

Напросились еще двое.

Условились так: в случае стычки с фашистами отделение, а раз отделение - то и взвод, а за ним весь передний край обрушат на немцев огонь, и таким образом смельчаки легко будут вызволены из западни.

К счастью, все обошлось без особых осложнений и довольно-таки результативно. Кроме мешка с ветчиной ребята приволокли молоденького и очень немощного немца. По какой-то причине тот оказался вблизи фургона в зарослях конопли: не то заблудился, не то нужду пошел справить. Ребята бесшумно сбили его с ног, ремнями скрутили руки и волоком доставили к нашим окопам. Что теперь-то скажет лейтенант?

А лейтенант по-своему среагировал на приготовленный для него сюрприз в виде солидного куска ветчины и плюгавого гитлеровца.

- Кто разрешил отлучаться? - со злостью процедил сквозь зубы Михалев.

Отделенный приготовился было принять удар на себя, но Панов опередил его.

- Это мы, товарищ лейтенант, по собственной инициативе. Так сказать, для общей пользы дела. И для вашей. Потолкуете на немецком с живым фрицем...

- Потолкуете, потолкуете, - передразнивает лейтенант. -

Жаль, что на фронте нет гауптвахт. А то бы...

Потом лейтенанту волей-неволей пришлось смириться с такой вот самодеятельностью подчиненных. В штабе полка, куда незамедлительно доставили пленного, получили от него важные сведения, и было велено объявить от лица службы благодарность тем, кто добыл "языка".

Огнедышащим валом катилась война на запад. То невиданных размеров гремучей змеей, то рачьими клешнями оборачиваясь на восток, то вновь выпрямляясь. Она безжалостно рушила, сжигала дотла города и села, пожирала скот и хлебные нивы, рассеивала по исковерканной земле солдатские могилы, из вчерашних мальчишек делала мужчин.

Что касается Александра Панова, то он тоже изрядно изменился. Время как бы впаяло его в войну. Он уже свободно, по звуку летящего снаряда, мог определить, в каком именно месте быть взрыву. Интуитивно угадывал, какой сюрприз может принести готовящийся прорыв вражеской обороны, научился рационально использовать свой, в общем-то скудноватый, запас физических сил. Стал более находчивым в солдатском деле. Теперь у лейтенанта не было оснований в чем-то упрекнуть его. Напротив, Панов не однажды даже выручал командира в трудные минуты, а вместе с ним и весь взвод.

Форсировать Днепр им предстояло в осенний хмурый день. Михалев собрал взвод в зарослях тальника у большущей сырой воронки от бомбы.

Развернув перед собою планшет с картой и преодолевая волнение, он прочитал листовку с приказом командующего фронтом и принялся ставить боевую задачу:

- Переправляться взводу приказано в направлении вон того безымянного острова и ветряной мельницы, что на том берегу, с помощью подручных средств. Там, у ветряка, займем оборону и вместе с другими подразделениями будем держаться до прихода основных сил.

Молчат солдаты с тревожной настороженностью. Понимают солдаты, а вместе с ними и их лейтенант, чем может обернуться для каждого из них переправа. Нарушает

молчание один из бойцов второго отделения:

- Товарищ лейтенант, а что за подручные средства?

- Срубим плоты.... По одному на отделение... Лошадей пока оставим. До понтонного моста...

Опять же, легко сказать: плоты. А бревна, бревна-то где брать? Был недалеко от берега заброшенный полевой стан с клуней и двумя амбарами. Так их будто корова языком слизала. Осталась одна солома от стрех. Бревна растащили подразделения, что поближе. Надо запрягать в повозки тягловых лошадей и отправляться за семь-восемь верст в деревню. Опять же: где время? В любой час, в любую минуту может взметнуться в небо зеленая ракета, заиграть тысячествольным грохотом артподготовка, а затем и вспорхнуть красная ракета, что будет означать: не мешкай, солдат, скорее отталкивайся от берега, не дай противнику прийти в себя.

- Я бы другой вариант предложил, - по-крестьянски рассудительно заговорил Панов.

- Говори, говори, - торопит лейтенант. Такая уж тут ситуация: совсем нелишне послушать совет солдата.

- Я бы попросту набил плащ-палатки соломой, а вниз по паре досок и - плыви, солдат, по волнам хоть на край света белого. Плот что? Шарахнет по нему снаряд, и сразу всем отделением с Родиной прощайся... Попробуй, удержишься на воде со всем снаряжением... Да и бревен-то поди достань...

Взводный усмехнулся.

- Дело говоришь, Панов. Дело! А я, признаться, на первых порах полагал, что из тебя путевого солдата не получится...

Эти слова командира уже несколько не обидели Сашу. Понимал: шутит командир, чтобы дух бойцов поддержать. Потому и сам ответил шуткой:

- Да вы, товарищ лейтенант, просто не осведомлены о моих способностях. Вот, если не проглотят днепровские волны, наглядитесь еще, как с фашистами буду расправляться.

Им было отпущено где-то около полусуток. За это время

бойцы соорудили для преодоления многоводной реки нехитрые приспособления. Больных и тех, у кого не зажили раны, начальство отправило приглядывать за лошадьми – до наведения переправы.

Пора подросла к мгlistому утру. Взлетела в небо зеленая ракета, и в стороне, совсем рядом, дружно запели свою жуткую песню “катюши”, выплевывая в сторону правого берега огромные огненные языки. К “катюшам” подключились тысячи пушечных, танковых и минометных стволов. Земля задрожала, застонала под страшным грохотом, смешанным с запахом взрывчатки, сгоревшего соляра, осенней прели. Не теряй времени, солдат! Выдвигайся к берегу, вытаскивая на воду свои спасательные кораблики-малютки, жди красную ракету.

Красная вспыхнула через полчаса. Но и через полчаса канонада не утихла. Разве только прицелы орудий изменились, чтобы огонь передвинулся глубже в сторону противника.

Взвод Михалева плыл к острову, заросшему редким красноталом. Там короткий отдых и вперед – на ветряную мельницу, что оседлала одну из правобережных круч. Непосвященный глаз вряд ли угадал бы в этих плещущихся в Днепре темных пятнах войсковое подразделение, готовое в любую минуту ошетиниться автоматами и карабинами, окатить огнем противника.

Фашисты всерьез стали огрызаться, когда взвод Михалева уже оставил позади безымянный остров и напрягал последние усилия, чтобы как можно скорее преодолеть оставшееся до берега небольшое расстояние. Пуляют в небо осветительные ракеты, бьют из-за укрытий минометами. Снаряды падают в Днепр, вспенивая воду и высоко поднимая фонтаны. Кто-то из ребят справа пошел ко дну. Взрывом перевернуло плот с бойцами в соседнем эскадроне.

Что-то больно толкнуло в плечо Александра. Норовя сохранить равновесие, чтобы не опрокинуться, дотянулся до плеча ладонью другой руки. Слава богу, кажется, не ранен. Видно, в плечо угодил обессилевший осколок.

А наши все дубасят и дубасят по правому берегу.

Натруженно гудя, спешат отправить к фашистам угощение эскадрильи "Илов". Рвет горло лейтенант: "Поднажми, поднажми, славяне! Еще рывок - и берег наш!"

Высаживались на берегу также под прикрытием артогня. С боями поднялись на кручу и там окопались. Теперь оставалось одно - держаться. И они держались. Держались, пока не навели переправу и не подошли главные силы.

Через двое суток земля вновь содрогнулась под артиллерийской канонадой. Пошла пехота, пошли танки. А вслед за ними двинулись в брешь, образовавшуюся в гитлеровской обороне, и конники.

Теперь путь их кавалерийского корпуса проляжет через степи Украины и хуторскую Польшу, через Германию с деревнями и черепичными крышами домов и самой причудливой формы заплатами проснувшейся озими. Много, ох, как много еще придется брать трудных рубежей. Много, ох, как много хороших ребят Александр вместе со своими друзьями-товарищами потеряет на этом пути. Ах, если бы человеческая память способна была запечатлеть и сохранить на годы все то, что пришлось повидать, испытать и вынести солдату!

Как знать, может, это и хорошо, что многое позабылось.

Тянет руку конопатый рыжечубый мальчуган из второго ряда.

- Александр Семенович, а за какой подвиг Вам присвоили звание Героя?

- За какой подвиг? - переспрашивает Панов. И вновь, будто бы в оправдание. - Поверьте, ребята, я никогда не задумывался о подвигах. Я просто научился выполнять работу солдата...

А сам мучительно напрягает память, пытается зримо представить те весенние дни сорок пятого. Дни, когда Советская Армия вступила на германскую землю, но когда враг еще не был повержен и сопротивлялся с невиданной яростью. Где ж это было?

Было это в небольшом городке Бранденбурге, от которого,

по российским понятиям, до Берлина рукой подать. Улицы, заваленные кирпичной кладкой, черепицей и разбитым стеклом, растолканные по сторонам и искореженные огнем грузовики и бронетранспортеры, едкий дым, стелющийся по земле, запуганные обитатели города, чай у костра в городском парке... И новое боевое задание взводу лейтенанта Михалева.

Он обвел бойцов испытующим взглядом воспаленных глаз.

- Ночью идем на охоту. За "языками" идем.

И, помолчав, добавил:

- Задание очень ответственное. Может быть, от нас с вами будет зависеть успех операции по взятию Берлина...

Для выполнения операции взводный отобрал двенадцать бойцов, в том числе Александра Панова, здоровяка-украинца Олешко, пожилого солдата, которого все во взводе звали не иначе как дядей Васей (фамилия позабылась). Задача была такой: перебраться через обмелевший канал в районе затонувшей баржи, в случае необходимости закрепиться в районе сыроваренного завода, выследить и захватить в плен двух-трех гитлеровцев, затем с добычей скрытно вернуться в свое расположение.

Все было продумано до мельчайших деталей. Да только осуществить операцию, как она планировалась, оказалось делом несбыточным. Александр, находившийся в головном дозоре, неожиданно натолкнулся в палисаднике, что совсем рядом с каналом, на холмик дота и торчащий из-за бруствера пулемет. Продвигаться мимо него было рискованно, и Панов пополз к лейтенанту.

- Давай так, командир... Двое с одного фланга, двое с другого. Свалимся на головы фашистов, как гром среди ясного неба, - шепотом заговорил он.

Бесшумно подкрались к блиндажу Панов и Олешко. А следом за ними и лейтенант с двумя бойцами. Остальные залегли в палисаднике, готовые в любую секунду к схватке. Панов решительно сдергивает одеяло, укрывающее вход в блиндаж, направляет внутрь дуло автомата. Лейтенант приказывает:

- Раус, фриц! Нур руихь, зонет капут! (Выходи, фриц, только спокойно, а не то капут!).

Вползли двое. Один, что подлиннее и потоньше, подняв руки вверх, беззвучно шевелит губами. Второй - поплотнее - неожиданно мотнул Панова в сторону и подхватил со дна окопа шмайсер. Но тут наваливается на него мешковатая фигура Олешко. Олешко нанес немцу тяжеленный удар в живот, а потом для страховки двинул еще кулаком в скулу. Тот обмяк и опустился на дно окопчика... Когда он пришел в себя, взводный довольно продолжительное время допрашивал обоих, делая какие-то пометки на карте.

Где-то через час появились еще двое. Один с котелками в руках, второй с термосом за плечами. Еду принесли, значит. Этих тоже уложили на землю, связали и опустили в окоп.

И вновь лейтенант допрашивал и наносил пометки на карту. А на рассвете буквально рядом с сыроваренным заводом удалось захватить офицера. Но при этом один из бойцов погиб, а командир взвода получил ранение. Кто-то из гитлеровцев обстрелял из окна второго этажа. Решили, не теряя времени, уходить. Панову и еще нескольким бойцам, находившимся у блиндажа, лейтенант приказал прикрывать отход группы. Те, в общем-то, удачно преодолели вброд мутную воду канала. Панов же с ребятами оказался в западне. В направлении сырзавода в разжиженной рассветом дымке вдруг возникли фигуры гитлеровцев. Один, два, три... десять. Бог ты мой! Да их не менее роты! Идут нестройной цепью, обвешанные шмайсерами. Уходить? В два счета скосят, едва из окопа высунешься. Вступить в единоборство? Вступить? Есть ли смысл? Их только пятеро. Ну да что делать? Будем надеяться на лучший исход. Там, за каналом, наши. Придут, должны прийти на выручку.

Панов с трофейным пулеметом. Ребята затаились в ожидании, ухватившись за автоматы. Кто-то из них показывает в окоп: здоровяк буянит, наверное, приближение своих чувствует. С пересохших губ Панова срывается короткое:

- В расход!

Сухая, хлесткая очередь - и вновь жуткая тишина, а потом опять голос Панова:

- Огонь по моей команде!

А расстояние между ними и немцами все сокращается. Вот уж слышны цоканье сапог по брусчатке и чужая речь. Вот уж они вышли на открытую площадку. Ну, теперь, пожалуй, пора. А, между прочим, интересно, почему они так открыто, так смело шагают? Не догадываются, что здесь советские бойцы?

И вдруг Панов с ужасом увидел, как впереди, шагах в полусотне, метнулась через улицу женщина, волоча за собой двух перепуганных детишек. Этого еще не хватало.

Высунулся из окопа один наш солдат, кричит женщине:

- Убегай, убегай, фрау! Живей! Живей!

А оттуда вдруг выстрел. И нет солдата. Отвоевался солдат. Но вот, наконец, женщина скрылась за домом.

- Огонь, братья славяне! - кричит Александр и нажимает на гашетку. С лихорадочной дрожью заработал пулемет. Остальные трое помогали автоматами. Темные фигуры немцев метались из стороны в сторону, падали на брусчатку. Послышались ответные очереди шмайсеров. Александр увидел, как еще один из наших бойцов опустился на дно окопа с лицом, залитым кровью. Стиснув зубы, он посылает и посылает очереди в сторону немцев. Причем посылает, на удивление самому себе, с холодной расчетливостью.

- Поэкономней патроны!

Сам он теперь тоже вел стрельбу не беспорядочную. Возникнет фигура - совсем коротенькая очередь, и вот уж зачернела она на сизой брусчатке.

Трижды гитлеровцы поднимались в атаки, и трижды их отбивала маленькая группа Панова. Двое их в конце осталось: Александр и раненый солдат Олешко. Двое с пустыми пулеметными лентами и магазинами автоматов перед площадью, усеянной вражьи трупам. Теперь не совестно и с матушкой-Родиной попрощаться...

- Что будем делать, Олешко?

- Не знаю. Ходить не могу...

- Я перевяжу...

- Перевяжи...

А со стороны, чуть поодаль от сырозавода, вновь слышится

стрельба. Она все нарастает, нарастает. Что это? Постой, постой, Олешко... Неужто свои? Ну кто ж еще? Выбирается из окопа, кричит во все горло:

- Давай сюда, братва! На выручку!

Позже Панову объяснили: взвод Михалева, а значит, и он, Панов, в том числе, сделал за эти минувшие сутки столько, сколько не сделать целому батальону. Одни добытые сведения чего стоят! К тому же группа Панова отвлекла на себя солидные вражеские силы, чем немедленно воспользовались наши подразделения на правом фланге и почти беспрепятственно двинулись в центр города, прочищая путь к Берлину.

Через несколько дней будет и Берлин. На стенах рейхстага оставит Александр свой автограф: "Здесь был солдат Панов из Волочаевки". Потом, когда над землей прогремит Победа, командир корпуса вручит ему в числе других высокие награды Родины. Засияют на груди солдата Александра Панова орден Ленина и Золотая Звезда Героя.

И вернется солдат Александр Панов в родные края. И заменит он на железной дороге своего отца - очень работающего и миролюбивого человека.

Увы, закон природы суров и неумолим. Прошло время, и Александра Панова его земляки - жители Смидовичского района - проводили в последний путь. Только память о бывшем отважном солдате, простом и добром человеке, осталась в сердцах людей.

Ирина МАНОЙЛЕНКО

ЖЕМЧУЖИНА В ВОЕННОЙ ОПРАВЕ

- Подождите, я сейчас...

Маргарита Сергеевна вышла на кухню и вскоре вернулась, неся в одной руке пачку «Примы» и мундштук, в другой — пепельницу.

- Ничего, если закурю? По-другому разговора у нас не получится. Это очень тяжело, если не курить. Вспоминать тяжело, понимаете?

- Курить начали на войне?

- Там, а где ж еще. Нам, как и мужикам, и табак

выдавали, и наркомовские сто грамм. Как-то уже году в 44-м поставили нас, девчат, перед выбором: или табак, или шоколад. Решили, что шоколад лучше, — по сладкому-то скучали сильно. И шоколад тот американский нам очень уж понравился. Но и курить тоже хотелось, да еще как! Раз попросили табачку у выздоравливающих, другой. А потом до начальника госпиталя это дошло, пристыдил: «Девчата, имейте совесть!» Пришлось отказываться от шоколада и брать табак. Вот так и втянулась. На войне мало кто не курил. И табачок, и сто грамм только и спасали от стрессов, от напряжения постоянного. Иначе можно было сойти с ума.

Привычным движением, как когда-то скручивала козью ножку, она забивает сигарету в отверстие мундштука. Бьет в окна деревенского дома по-весеннему ослепительное солнце, блики его ложатся на чисто вымытый пол, на лицо моей собеседницы.

- Вот и пережили зиму, - затянувшись «Примой», говорит Маргарита Сергеевна. — Помню, как мы в 45-м весну ждали — знали, чувствовали, что с весной придет победа. И встретила я ее под самым Берлином. Мне казалось, что это была самая лучшая весна в моей жизни. Такое тогда было тепло, такое солнце яркое. А как птицы пели! Во дворе госпиталя сад большой был, и птицы там целые концерты устраивали.

Снова затяжка — и вздох.

- Я над своей жизнью часто думаю. Не очень хорошо она у меня сложилась, особенно после войны. И получается, что самые лучшие годы пришлись на войну. Мы чувствовали себя нужными, потому что защищаем Родину, мы жили надеждой, что доживем до победы. Так мы были воспитаны со школьной скамьи — патриотами страны. У нас была цель — и мы к ней шли.

Если бы Риточке Кольцовой, урожденной москвичке, сказали в те годы, что судьба занесет ее на Дальний Восток, что она, горожанка, станет сельской жительницей и будет работать на ферме и в поле, — она посчитала бы это за неуместную шутку.

В доме на Красноказарменной улице, где она родилась,

жили военные. Первый этаж занимали семьи, второй - курсанты. Отец, Сергей Емельянович, был кадровым офицером, мать, Наталья Яковлевна, работала секретарем в ЦК профсоюза прачечных, бань и парикмахерских. Но отца Рита не запомнила - когда он заболел туберкулезом, ее, годовалую малышку, отвезли в деревню на Смоленщину к бабушке и дедушке. Вскоре отец умер, через год мать вышла замуж за его друга - подполковника. Когда она забрала дочь в Москву, у нее уже были сын и дочь от второго брака.

Но второй семьи у матери не сложилось. Когда мужа направили в Иркутск, Наталья Яковлевна осталась в столице - не захотела терять квартиру, престижную работу. Потом супруг поехал служить во Владивосток, но и тогда Москву мать не оставила. Поняв, что жена к нему ехать не собирается, подполковник во Владивостоке женился.

Новая затяжка - и продолжение рассказа.

- Мама больше не пыталась выйти замуж. Она вызвала в Москву из деревни младшую сестру Прасковью. Тетя по сути дела и вырастила нас - была нам и мамой, и нянькой. На лето уезжали мы на дачу, которую маме дали на работе. Это был поповский дом с огромным, как сейчас помню, садом, где мы боялись заблудиться.

Незадолго до июня 41-го Рита закончила семилетку и курсы счетоводов. Собиралась устроиться на работу. Ей было семнадцать - возраст, когда жизнь кажется праздником и ожиданием бесконечного счастья.

«Их планам помешала война» - эта фраза стала устоявшимся штампом. Но ведь так оно и было - еще не вступившим во взрослую жизнь девчонкам и мальчишкам пришлось после школьной скамьи брать в руки оружие, идти рыть окопы, перевязывать раненых.

- Нас тем же летом 41-го послали рыть окопы. И копали мы их до самых морозов вокруг Москвы. Зимой отправили в лес - делать противотанковые завалы. Спиливали деревья, чтоб пенек был примерно метр, а точнее, 95 сантиметров, и заваливали их стволами, сучьями, ветками. А потом, когда началась эвакуация детских учреждений, направили меня

сопровождать эшелон с детьми в Саратовскую область. Когда оттуда вернулась домой, девчонки с нашего двора прибегают и говорят: «Слушай, мы устраиваемся в госпиталь. Давай с нами!» А мы еще в школе курсы санитарок прошли - учили нас и перевязывать, и уколы делать. Я сказала девчонкам, что согласна. Когда мама и тетка узнали про мои планы, стали отговаривать, а мама даже работу пообещала. Вроде уговорила, даже заявление о приеме я написала. Но когда пришли за мной девчонки с рюкзаками, я тоже собрала свой рюкзак, а на столе оставила записку: «Мама, я уйду на фронт». Больше мы с ней так и не увиделись.

Госпиталь, куда попала Рита с подругами, формировался в центре Москвы, на Арбате, в здании одной из школ. Зачислили их туда сразу. Шла весна 42-го года, немцев уже отогнали от Москвы, но был окружен Ленинград, фашисты рвались к Волге.

Молодых медсестер вскоре отправили в Вологду — в госпиталь, где лечились раненые офицеры и солдаты, защищавшие Ленинград. Но там пробыли совсем недолго — из тылового госпиталя девчата попали в прифронтовой — под Сталинград. Находился он в четырех километрах от города, в огромной балке с тюркским названием Гумрак.

Первый шок испытали, когда на их глазах был сбит самолет.

- Мы думали, что это немецкий, стали кричать «ура!» и побежали к тому месту, где упал самолет. Подбегаем, а там три наших хлопца лежат — наш ведь это был самолет. Стоим, плачем.

Затяжка, тяжелый вздох.

- Когда начались постоянные бомбежки, понаехали в балку машины, погрузили нас и повезли подальше от города. И вот там мы начали принимать раненых. Такой был ужас! Привозили в основном тяжелых — это была молодежь 1921-1922 годов рождения. Такие все рослые, красивые! Как мы потом узнали, это были курсанты десантных училищ, из которых сформировали 1-ю гвардейскую сталинскую армию. И вот эта цветущая молодежь попала в сталинградское пекло.

Двое умерли на моих глазах, многим ампутировали руки, ноги. Больно было смотреть на этих красавцев, которых искалечила война. Потом много чего я перевидала в госпиталях, но те мальчишки-десантники всегда стоят перед моими глазами.

А еще запомнилось Рите, как по садам, которые окружали здешние станицы и хутора, шли напролом наши танки — и деревья, на которых висели плоды, со стоном падали под гусеницы. Раздавленные спелые вишни были так похожи на кровь.

Местом новой дислокации полевого подвижного хирургического госпиталя номер 4335, где служила медсестрой Маргарита Кольцова, стала балка с милым и мирным названием — Тишанка.

На этом месте — новая затяжка, долгое молчание.

- Когда нас в балке той разгрузили, то сказали, что рассчитан госпиталь на 250 человек. Мы стали ставить тяжеленные двухмачтовые палатки, туда настелили соломы, матрацы, одеяла. Вроде бы всего хватило. И вот стали поступать раненые. Уже все палатки под завязку забиты, а их все везут, везут, везут. Три с половиной тысячи раненых навезли. Как мы их размещали, это надо отдельно рассказывать.

Я в перевязочной работала, можете представить, что это такое. Днем и вечером делали перевязки, а ночью садились и готовили на стерилизацию перевязочный материал. Если удавалось прикорнуть, то всего на несколько часов. Или прислонишься к стеночке, глаза закроешь — и вроде полегче станет. Никакой тебе смены, потому что рабочих рук не хватало.

Помню, лето было в тот год очень жарким, дождей долго не было. Песок в степи раскалялся так, что обжигал ноги. Вода была на вес золота — ее привозили бочками из ближних станиц. Как ни старались, не могли вывести вшей, в послеоперационных палатках стоял тяжелый запах. Можете представить, что такое военный хирургический госпиталь в самом пекле войны! Нам везли в основном раненных в живот,

грудную клетку — это самые тяжелые ранения. Первое время падала в обморок на перевязках, потом привыкла. На войне ко всему привыкаешь, даже к невозможному.

Затяжка, пауза, вздох.

- Однажды я чуть не отдала Богу душу. Еще когда мы были в Вологде, мои подруги переболели малярией. А меня малярия только под Сталинградом достала. Решили меня изолировать, поставили на высотке плащ-палатку — чтоб солнцем прогревалась лучше. Подняли наверх, ведро воды оставили. Через день врач меня без сознания нашел. Дал выпить шесть таблеток, я и заснула. Проснулась вся мокрая — и ползком к госпиталю. Санитар знакомый увидел меня, поднял и на руках к продскладу принес: мол, откармливайте сестричку, а то совсем плохая. Больше за всю войну ни одна болезнь ко мне не прицепилась.

О наших женских потребностях никто тогда не думал. Юбки только в 43-м году стали к армейской форме выдавать. А так все в брюках ходили. Бюстгалтеров не полагалось, мы шили их из кальсон. Трусы мужские выдавали. Гигиену соблюдать было тяжело — и воды не хватало, и условий не было. От вида вшей, червей, мух, которые копошились в гнилых ранах, я сначала приходила в ужас, потом привыкла. Помню, как мы, девчата, первое время есть не могли. И вот дали нам спирту — глотните, мол, и аппетит появится. Правда, поели потом. А чтоб зараза никакая не приставала, махоркой себя натирали.

На войне все были равны — и мужчины, и женщины. Поблажек нам не было, да мы их и не просили. Сами ведь, добровольно, на фронт пошли. Но как приятно было иногда услышать от начальника госпиталя, врачей и раненых слова: «Девочки, берегите себя!»

- За Сталинград хоть одну награду получили?

- Получила. Медаль «За оборону Сталинграда». А под Курском — шесть грамот Верховного главнокомандующего. А вообще-то в госпиталях редко кого награждали. Но однажды (мы очень удивились) медали получили начфин и делопроизводитель. Зато бессменный наш начальник

госпиталя Михаил Абрамович Вербов — хирург, спасший сотни жизней, прекрасный человек, который был нам как отец, получил орден Красной Звезды только в конце войны, под Берлином. И еще двух врачей этим орденом наградили. А я в конце войны получила медаль «За победу над Германией».

Но это будет только в 1945-м, а в 1943-м госпиталь, где служила фронтовой сестрой Маргарита Кольцова, оказался в эпицентре еще одной страшной и кровавой битвы — на Курской дуге.

Еще одна сигарета втиснута в мундштук, новая затяжка, молчаливый вздох.

- Этот госпиталь был уже не палаточный, а подземный. Мы же сами его под землей и строили. А сверху — кусты, дикие заросли крапивы. Замаскировались так хорошо, что прилетевший из Москвы генерал-майор медицинской службы Барабанов не смог на своем самолете найти нас. Кружил, кружил тот самолет долго, пока опознавательными знаками не показали посадочную площадку.

А летом началось наступление. И пошли потоком раненые. Опять, как под Сталинградом. Особенно много поступало с ранением в грудную клетку. Были и обгоревшие.

Не забуду, как привезли одного танкиста, весь черный, почти до костей обгорел, а где кожа осталась — ключьями висела. Мы его голого на носилках тащили, а потом сделали специальный каркас, марлей обтянули, матрац соломой набили — и так же, в чем мать родила, уложили в солдатской палате. Звали его Павлом Недыбиным. И вот как-то приезжает к нам военное начальство: «Где тут у вас Герой Советского Союза?» Врачи, сестры переглядываются: «Какой еще герой?» А они фамилию Недыбина называют. Он тоже удивился: «Да никакой я не герой!» Оказывается, обгорелец наш шесть танков в бою подбил и за это ему звание Героя присвоили. Увидели начальники, что лежит он вместе с солдатами, стали кричать на нас: «Почему не в офицерской палате?!» Выходили мы Пашку-героя, жив остался, а потом в Москву его увезли на санитарном самолете долечиваться.

Загашена в пепельнице сигарета. Маргарита Сергеевна пытается говорить не закуривая, но воспоминания тяготят — и в мундштук забивается очередная «Прима».

- Хотите, расскажу, как я из старших сержантов была в рядовые разжалована? Был и такой факт в моей фронтовой биографии. Мы уже к тому времени до Западной Белоруссии дошли. Госпиталь на этот раз пришлось разворачивать в конюшнях. Добротные были конюшни, мы их вычистили, побелили. Мне, как старшей по званию, поручили этим делом руководить. В конюшнях расставили койки, я получила под свою ответственность новенькие американские одеяла, простыни, пододеяльники. Заправили аккуратно кровати. И тут моя начальница Мария Ивановна Осина забегают: «Рита, там танкисты в соседней части в бой должны идти, просят концерт им дать. Пошли!» А я, скажу вам, очень петь и танцевать любила, в самодеятельности госпитальной участвовала, была там не из последних. Но тут заупрямилась: «Не могу же я все бросить, дайте замену — тогда пойду». Договорились с Ниной Шапаревич, подружкой моей боевой, что подменит она меня.

Вернулась на рассвете. Когда дверь открыла в конюшню-палату — мне стало плохо: все кровати стояли голые. Нина моя, оказывается, заснула и ничего ночью не услышала и не увидела. Но так как я была старшей, меня наказали — прямо у всех на глазах сорвали сержантские лычки с погон. А Марии Ивановне шесть месяцев не платили зарплату. Потом, правда, нашли-таки воров, но звание мне не вернули, так и осталась в рядовых до конца войны.

А в Польше едва не осталась без руки. Тяжеленным ножом резала хлеб на пайки, натерла руку до кости. Попала на свежую рану инфекция, и разъело мою конечность так, что пришлось резать ее в операционной.

- Скажи спасибо, что не ампутировали, - «успокоил» хирург. — А так, глядишь, и победу с нами встретишь в Берлине...

Маргарита Сергеевна снова потянулась к пачке с

сигаретами, но на этот раз остановила себя.

-В берлинском предместье — маленьком городке Бабельсберге — наших раненых разместили в здании бывшего немецкого госпиталя. Впервые не надо было ставить палатки или рыть подземелье, чтобы развернуть госпитальное хозяйство. Впервые я узнала, что значит работать в человеческих условиях: немцы оборудовали свои госпитали на совесть.

То, что Берлин достался очень дорогой ценой, видела по огромному количеству поступивших в госпиталь раненых бойцов. Умирающих было жалко до слез — ведь до победы оставалось всего ничего.

Вскоре по приказу Жукова в госпиталь собрали тех, кто остался без рук и ног. Нам, девочкам-медсестричкам, приходилось часто на себе их таскать — и в сад на прогулку, и на второй этаж, когда концерт или кино привозили. И еще шутили, смеялись: вот, мол, вернемся не одни домой, а с геммороем и грыжей.

Шутилось в эти дни легко — на дворе стоял май, а сад, которым был окружен госпиталь, цвел и благоухал. Хотелось и самим быть красивыми, почувствовать себя женщинами. Однажды сбегали на «махаловку» — так называли рынок, где можно было обменять на продукты у немок шикарные наряды. Мне досталось просто королевское платье, но надеть его все не представлялось повода.

В тот майский день я с подругами шла на смену в госпиталь. В саду нас остановил знакомый садовник-немец. Он срезал ветки с самого пышного сиреневого куста и вручил их подчеркнуто торжественно. Едва успели поблагодарить старика, как поднялась стрельба. Раненые, персонал стали выглядывать из окон, ничего не понимая. «Немцы госпиталь хотят захватить!» — заорал кто-то. А один безногий солдат кричит: «Пристрелите меня, но немцам не сдавайте!»

Высочили мы на шоссейку, что возле госпиталя проходила, — посмотреть, где ж те немцы. Но вместо них выбежали на шоссейку наши солдаты, хватают за руки, целуют и орут: «Победа, девчонки!» И нас как прорвало —

никогда за всю войну так не плакали, как в тот победный день.

Отметить его решили по полной программе. Начальник госпиталя сам закатил в вестибюль бочку вина, натаскали побольше кружек. Тем, кто не мог идти, мы разносили в этих кружках вино. А вечером отдельный праздник был устроен для персонала, накрыли столы. Пили, пели, танцевали, смеялись и плакали. Расходиться не хотелось. Мы так привыкли жить в постоянном напряжении, что хотелось продлить праздник, по-настоящему расслабиться. Хотелось любви и счастья — нам ведь было всего по двадцать с небольшим.

Не выдержала, достала сигарету и глубоко, с удовольствием затянулась.

- Не хотела я рассказывать об этом, но была у меня на войне любовь. Его Ильей звали. Сам офицер, отец был офицером и старший брат. Они — отец с братом — попали в окружение в 41-м и пропали без вести. А командовал этой армией генерал Власов. И вот Илья ответил за отца и брата — забрали его, посадили. Пыталась я его отыскать после войны — не получилось. А любовь у нас с ним чистая была, думали пожениться. Не было больше в моей жизни такой любви и счастья такого не было...

- Мы, бывшие фронтовые сестры, летом 45-го уже готовились к отправке домой. Но эшелон на Москву ушел, следующий ожидался нескоро. И вот однажды явилась в госпиталь представительная делегация. Выстроили медсестер и говорят: «Девочки, если есть у вас гражданская одежда — переоденьтесь, вам предстоит важное дело».

Одежда нашлась, нас посадили в грузовики и привезли в штаб-квартиру оккупационных войск. И там начали по полной программе воспитывать, хорошим манерам учить: как накрывать стол, общаться с гостями. Оказалось, что нас готовили обслуживать английскую делегацию, которая должна была приехать на подписание акта о безоговорочной капитуляции Германии.

Обслуживать делегацию не пришлось, мы были запасным

вариантом. Но встречать встречали. Помню, подъезжает большая легковушка, выходит из нее рыжий толстяк в окружении свиты. Вальяжно мимо нас прошел — и не то что не поздоровался, даже головы не повернул. Вот так я увидела самого Черчилля.

Видела потом и Жукова, и Молотова, и Буденного, и Чуйкова, и Богданова — маршала бронетанковых войск. Все они отдыхали и лечились в пансионате для высшего состава, где нас попросили поработать медсестрами.

Демобилизовалась Рита только весной 46-го. Было ей 22 года. Именно в таком возрасте получают дипломы студенты. Ее же институтом стала война, отняв пять самых лучших лет.

Долгожданная встреча с Москвой радости не принесла. В их квартире жили другие люди. Из своих не удалось никого найти. Попытались с подругой Ниной устроиться медсестрами в больнице, а в ответ слышали: «Нам сестры не требуются». Подруга пошла работать на завод, а Рита решила уехать — начались проблемы с желудком и врачи посоветовали подлечиться в санатории. Такой санаторий был в одном из сел в Горьковской области. И, отлечившись, осталась там жить и работать, вышла замуж.

В пачке осталось последняя сигарета.

- Ох и накурилась я с вами — давно столько не курила. Так вот что скажу: война женщин сильно меняет. Я ведь не могла потом спокойно смотреть на то, что кругом творилось, на беспорядок, несправедливость. А сколько доставалось за то, что правду начальству в глаза говорила! Поэтому и не сделала я никакой карьеры. Когда сюда, в Пронькино, по переселению приехали, хотела было на ферму пойти — в Сибири я телятницей работала. Увидела грязь и беспорядок там, сказала об этом бригадиру. Ну и не взяла она меня к себе ни дояркой, ни телятницей. Пошла в овощеводы и там проработала до пенсии. А пенсию, помню, назначили аж целых 47 рублей! Тогда ведь военные заслуги не учитывали. Муж стал сильно пить, хотела уйти от него, потом жалела.

И все ж однажды, уже тут, в Пронькино, решилась: оставила его в хорошем доме, который колхоз нам дал, а сама с четырьмя детьми в хибарку переселилась. Потом мне помогли ее отремонтировать, пристройку сделали и получились хороший дом — вот этот самый, где мы с вами сидим. Через некоторое время муж приходит, просится с нами жить. Что делать, пожалела, тем более, что болеть стал. Так и прожили вместе сорок лет до самой его смерти.

Когда десять лет назад умерла дочь, часть забот о внуках взяла на себя. Старшая внучка Вера стала потом первой помощницей. А всего у меня десять внуков и семь правнуков.

А брата и сестру удалось отыскать только через много лет после войны. От них и узнала, что мамы давно нет в живых. Когда получила письмо, долго не раздумывала — полетела в Ленинград, где жила сестренка. Она и сейчас там живет, но встретиться нам уже вряд ли удастся. А брат умер.

Докурена последняя сигарета, Маргарита Сергеевна комкает пустую пачку «Примы», уносит пепельницу, полную окурков, на кухню. Походка у нее совсем не старческая — быстрая, или, как еще говорят, резвая.

- Это я с виду такая шустрая. А вообще быстро ходить и бегать война меня научила. Когда нас, сестер, в госпитале раненые звали, мы мчались к ним на всех парусах. Все боялись: вдруг не добежим, вдруг что случится. Мне и сны потом долго снились, что меня зовут: «Сестра, сестричка, скорее!», а я бегу, бегу и никак не могу добежать. И все боюсь, что умрет мой раненый. Недавно только перестало это сниться. И ходить сейчас долго не могу — задыхаться начинаю, сердце-то большое. Столько в жизни пережить — тут и у самого здорового сердце не выдержит.

Вздыхает.

- А, что теперь жалеть! Прожила, как могла. Главное, что честно. Хочется, конечно, чтоб у детей, внуков, правнуков все было хорошо, но так не всегда выходит. Я ведь и сама в нынешней жизни не все понимаю. Смотреть больно, как люди интерес ко всему теряют, спиваются. У нас в селе много

таких — безработных, неприкаянных. Наше поколение все же покрепче было, не так ломалось — может, потому, что через войну мы прошли.

Имя «Маргарита» переводится с греческого как «жемчужина». Обычно незаметные жемчужины начинают сверкать и радовать глаз, когда их помещают в красивую оправу. Жемчужина по имени Маргарита Кольцова засверкала по-настоящему в оправе войны — такой вот парадокс жизни. Именно война выявила все лучшее, что скрывалось в этой жемчужине, которой нет цены.

Мордухович А.И.

Гвардии старший сержант
А. И. МОРДУХОВИЧ

Гагаринов А.М.

Берестянный В.С.

Матафонов Н.Н.

Баранов Г.С.

Винник Н.Ф.

Немировский М.Л.

Кольцова М.С.

Ада КОТОВА

ЕВРЕЙСКИЙ БОГАТЫРЬ, РУССКИЙ СОЛДАТ АБРАМ

СТРОКИ ИЗ БИОГРАФИИ

Мордухович Абрам Ильич родился в 1922 году в г.Смелы Черкасской области Украины. В Биробиджан семья приехала в 1934 году. После окончания десятилетки поступил в Дальневосточный политехнический институт во Владивостоке. Через год, в 1940-м, был призван в армию, стал курсантом 79-го гаубичного артиллерийского полка. В феврале 1942-го - Донской фронт. Через три месяца он был тяжело ранен и до июля лечился в госпитале. Потом опять фронт. С марта 1943-го по май 1945-го - командир орудия 232-го гвардейского артиллерийского полка гвардейской стрелковой дивизии. С мая

1945-го по январь 1946-го - парторг учебного артиллерийского дивизиона в том же полку.

Абрам Ильич участвовал во многих крупных сражениях: под Курском, Ростовом, Сталинградом, прошел с боями Румынию, Польшу, Австрию, Чехословакию, Германию. О нем и его боевом расчете слагались легенды.

Во время Курской битвы гвардии старший сержант Мордухович подбил какой-то необычный танк. После боя началась суматоха, к ним приехало высокое начальство. А потом Абрама Ильича вызвали к командиру полка.

- Да ты понимаешь, что натворил? - на полном серьезе начал тот. - Ты же знаменитого немецкого "Тигра" подбил. А он до сих пор считался неуязвимым.

- Но я-то этого не знал! - так же серьезно оправдывался Мордухович.

Его расчет одним из первых переправился через Одер. Удерживая плацдарм, бойцы уничтожили пять немецких бронемашин. На фронте тогда ходили листовки с призывами "Бейте врага, как русский богатырь Абрам Мордухович!" Он был отнюдь не богатырского роста и телосложения. Но пропагандистам почему-то нравилось называть его богатырем. Одна из таких листовок хранится в областном краеведческом музее. Она так и называется "Богатырь":

"Славный боевой путь прошел за время Отечественной войны воин-большевик, командир орудия, гвардии старший сержант Абрам Ильич Мордухович. Он защищал и освобождал Ростов, его орудие стояло на прямой наводке у стен Сталинграда, громило фашистов на Украине и в Польше. Богатырская сила и воинская зрелость Мордуховича особенно проявились в боях на немецкой земле. Его орудие все время стояло на открытой огневой. Десятки вражеских контратак отразил он с бойцами своего расчета..."

Расчет Мордуховича с боями дошел до самого Берлина. Бойцы своими глазами видели, как над рейхстагом взвилось знамя Победы. Но часть Восточной Европы все еще была оккупирована фашистскими войсками. 5 мая в столице Чехословакии - Праге вспыхнуло народное восстание, и

жители Праги обратились за помощью к советским войскам. 97-я гвардейская дивизия, в которой служил Абрам Ильич, получила приказ вслед за танками генерала П.С. Рыбалко двигаться на Прагу.

Вот как сам Мордухович писал об этом:

«По склонам Рудных гор, через лесные завалы, громя засады, дзоты и доты вражеской группировки армии “Центр”, мы спешили на помощь многострадальной Праге. Утром 9 мая вслед за танками мы входили в город.

Одно за другим уничтожались осиные гнезда эсэсовцев в зданиях на берегу Влтавы в Старом городе. Моя 76-миллиметровая пушка вела огонь по засевшим в сером многоэтажном доме фаустпатронщикам, поджегшим один из наших танков. Что-то упорнее других оказалась эта свора, но они имели дело с опытными бойцами, прошедшими школу боев и в степях Сталинграда, и на улицах Бреслау и Берлина.

С фашистами было покончено. Как выяснилось, в подвале дома ожидала казни группа повстанцев.

- Русаки! Злата Прага свободна! - крепко обнимали нас освобожденные.

На оживших улицах замелькали трехцветные флаги Чехословацкой республики. Мирные граждане осыпали нашу пушку, танки букетами весенней сирени.

Мы уже знали о безоговорочной капитуляции Германии. Но засевшие в Рудных горах остатки эсэсовских частей не хотели сдаваться и пытались прорваться на Запад, чтобы попасть в плен к американцам. Наша дивизия получила приказ на уничтожение этой группировки. Везде: в Европе, в Америке - уже отмечали день Победы, а мы вели бои”.

“Биробиджанская звезда”, 1995 год.

Мордуховича дважды представляли к званию Героя Советского Союза. Но этой награды он все-таки не получил. “Видно, кому-то не понравилась моя фамилия”, - шутил Абрам Ильич. Он был награжден орденом Славы III степени, орденом Красного Знамени II степени, орденом Отечественной войны II степени, медалями “За отвагу”, “За

оборону Сталинграда”, “За освобождение Праги”, “За победу над Германией”.

СТРОКИ ИЗ БИОГРАФИИ

В 1946 году Мордухович был уволен в запас и вернулся в Биробиджан. В течение года он работал инструктором горкома КПСС (в партию он вступил на фронте, в 1943 году), потом пришел журналистом в “Биробиджанскую звезду”. Оттуда его направили в Хабаровскую высшую партийную школу, после окончания которой он 18 лет работал в областном комитете радиовещания. Начал с должности редактора, затем стал заместителем председателя, а позже - председателем радиокомитета. Между делом закончил Хабаровский пединститут, историко-филологическое отделение. В 1967 году Мордухович вернулся в “Биробиджанскую звезду”.

Я познакомилась с Абрамом Ильичом в декабре 69-го, когда поступила на работу в “Биробиджанскую звезду”. Он был тогда заведующим отделом промышленности, позже возглавил отдел пропаганды, который считался в те годы одним из ведущих. В 1970 году, накануне 40-й годовщины со дня выхода газеты, Мордуховича представили к званию “Заслуженный работник культуры”. Но какой-то “доброжелатель” накатал анонимку, и почетная награда не досталась Абраму Ильичу. Что там накалякал анонимщик, мы не знаем, но найти компромат на Мордуховича было нетрудно. В нем удивительно сочетаются строгость и ответственность с мальчишеской бесшабашностью и озорством.

Рассказывают, что во время учебы в Высшей партийной школе с ним произошел такой случай. Однажды в Хабаровск приехали какие-то супер-артисты. Конечно, был аншлаг, и многие желающие отошли от кассы разочарованными: им не достался вожделенный билетик. Остался ни с чем и наш герой. Но он не стал горевать, а направился прямо к директору театра. Там, достав из кармана удостоверение почетного гражданина чешского города, на ломаном русском произнес

примерно такую фразу: “Я ест чешский гражданин. Не можно ли купит билетик?”

Иностранцы в те годы на Дальнем Востоке были большой редкостью. И директор тут же провел его на гостевую трибуну, где сидели руководители крайкома, крайисполкома и другие почетные гости. За эту выходку Абрама Ильича чуть не отчислили из партшколы. Спасло его героическое прошлое.

Он был большим поклонником женщин, дружил с Бахусом (при этом никогда не теряя головы) и на редакционных междусобойчиках охотно «расслаблялся». Коллеги не только уважали его за высокий профессионализм, но и любили за доброжелательность, чувство юмора. Только ленивый не писал тогда очерки о герое, “который рядом с нами”. Не избежала этого соблазна и я.

Помню, я спросила:

- А вам не было страшно стоять вот так лицом к лицу с этими “тиграми” и прочими зверями? Ведь вот она, смерть, - рукой подать.

- Да я об этом и не думал, - отмахнулся он.

- А о чем вы думали?

- О том, что в освобожденном городе можно встретить красивую девушку, - пошутил Абрам Ильич. И тут же добавил серьезно: “Смерть в бою - не самая страшная участь. Гораздо хуже остаться на всю жизнь калекой или попасть в плен.”

В начале девяностых, уже разменяв восьмой десяток, Мордухович вышел на пенсию. Вскоре у него умерла жена, сам он перенес инфаркт. А через несколько лет уехал с детьми в Израиль. Я встретила его накануне отъезда. Он выглядел сильно постаревшим и больным. Но когда вспоминаю его, вижу совершенно другого Абрама Ильича: всегда энергичного, делового, с лукавой улыбкой в карих глазах и неизменной шуткой.

Ирина ДРИНЬ

«МЫ ЗА ЦЕНОЙ НЕ ПОСТОИМ...»

В то июньское воскресенье Васек Марковский собрался с мальчишками в лес. День был ясный, солнечный. Настроение отличное после тяжелой трудовой недели. Деревенское детство — это не маршировки под горн и барабан и тимуровские игры. С 7 лет он пас свой и соседский скот, с 13 ходил за плугом. Затем перешел на более «ответственную» работу — ездовым. Это шофер на паре лошадей. При этом еще и учиться хорошо умудрялись. У Васька, например, в свидетельстве об окончании вечерней школы (он его пронес в нагрудном

кармане гимнастерки через всю войну и хранит до сих пор) ни единой тройки. Знания по предметам оценены на "витлични" и "добре".

Но это свидетельство он получит через четыре дня. А 22 июня хотелось бегать, прыгать.

Проходили мимо магазина. В репродукторе на столбе что-то щелкнуло, и раздался голос, от которого мурашки по спине забегали:

- Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза!

Ребятня сразу присмирела, поняв, что прежняя жизнь закончилась...

Взрослые потянулись в военкомат с заявлениями об отправке на фронт. Его отец и старший брат тоже ушли в действующую армию. Ребята изо всех силенок старались помочь, заменить ушедших. Работали на строительстве оборонительных сооружений. Собирали и уничтожали листовки, в которых немцы обещали доброе отношение и призывали жителей встречать "победителей" с караваем в руках.

Подростки угоняли скот партиями подальше в тыл, в Сумскую область. Одну партию угонят, возвращаются за следующей.

- Немец не бомбил нас. Надеялся, что коровы скоро ему достанутся, - вспоминает Василий Семенович Марковский.

- В очередной раз вернулись в город, а там настоящий раздраз. Никакой власти. Основные объекты разрушены. Люди напуганы и растеряны. Кто остался, кто в лес кинулся. Но далеко уйти не удалось. С воздуха нас уже заметили, начали бомбить. Только оклемались, увидели немцев невдалеке. Бросились назад в город, а там уже враги хозяйничают.

В оккупации жизнь оказалась совсем не такой, какую красочно расписывали в листовках. За появление на улице в неурочный час, малейшую провинность наказывали сурово, вплоть до расстрела.

В 1943 году рейх стал нуждаться в дополнительной рабочей силе. Молодежь начали угонять в Германию. Наступили жуткие

времена. В каждой семье тряслись от страха, что придется расстаться со своим ребенком. Не минула эта беда и Марковских. С вечера пожаловал староста с приказом: Василию и его сестре утром явиться на биржу.

Всю ночь мать плакала, а затем собрала нехитрый провиант, сложила в котомки. Никуда не денешься, за послушание и убить могут. Прижала детей к сердцу, леденя от мысли, что, быть может, видит их в последний раз.

Молодежь разместили на втором этаже охраняемого здания школы. Но это оказалось не помехой. С двоюродным братом Гришкой спрыгнули из окна и огородами почти добрались до дома. Их заметили. Поймали. И пригрозили вздернуть на виселице, если еще раз осмелятся на подобное.

Фашисты хотели сделать из отправки настоящий праздник. Колонну с конвоем по бокам и оркестром впереди повели на вокзал. Там звучали сладкие речи о райской жизни на чужбине, сопровождаемые женским плачем.

Позади остались родная станция и тягостные минуты расставания. В Киеве перегрузили в другой эшелон, уже в немецкие вагоны без нар. Выдали паек. Хотя набилось человек 50, мерзли жутко, печки не было. Каждый вспоминал теплый дом, своих близких.

Нет, надо бежать, решил Василий. Ночью разбудил Гришку. Изложил план побега: драть отсюда, пока границу не пересекли. Решили взять с собой еще двоих знакомых, проверенных ребят. Доверяться больше никому не стали. Держали все в жуткой тайне: выдаст кто – расстрел.

Поезд остановился на станции Шепетовка, это почти на самой границе. Днем находились под охраной немца, а ночью тот тщательно закрывал вагон и уходил к своим в теплушку. Ребята притворились спящими, чтобы никто ничего не заподозрил. Как только все затихли, решили выбираться через люк (иначе никак) и прыгать. Лучше уж под колесами погибнуть, чем угасать в рабстве.

На поездах он прежде не ездил, понятия не имел, как прыгать, от чего отталкиваться. Тут еще полупальто мешало, которое в последний момент вручила ему мать, чтоб не сильно

мерз. Выбрался на крышу, огляделся: ничего не видно, тьма. Но разглядывать некогда, того и гляди хватятся. Оттолкнулся от вагонных реек и рванул навстречу неизвестности.

Очнулся уже под откосом. Боль была резкой. Думал, сломал все кости. Ощупал себя: вроде, цел. Оказывается, падая, снес все лицо.

Двое прыгнули раньше и выбирались отдельно. Когда пришли в себя, оказалось, прыгнул еще один: разговор в вагоне подслушал. Втроем стали пробираться к дому.

Днем прятались в лесу, в стогах сена, в разрушенных зданиях. На руках мерялись – кому в село идти за едой. Ночь шли. Везло им на добрых людей: помогали, показывали дорогу, кормили, делясь последним. За двенадцать суток добрались до родной области, да чуть не напоролись на полиция. Благо, хозяйка, которая их пригрела и спать уложила, убедила предателя, что это ее дети.

В родном городке Ичня (это на Черниговщине) опасность тоже подстерегала на каждом шагу. Попали аккуратно в комендантский час. Благо, что знали все ходы и выходы. Добрались до дома. В родной избе глазам своим не поверили, когда Василий грязный, исхудавший и оборванный, переступил порог.

Но радость была недолгой: кто-то донес. Пришлось податься в партизаны.

Истлевшую на сгибах, желтую от времени бумажку Василий Семенович Марковский хранит до сих пор. Подтверждение с личной подписью командира, начальника штаба и почти незаметной печатью, что он с августа по сентябрь 1943 года (до прихода Красной Армии) был бойцом в партизанском отряде имени Хрущева, для него не просто справка. Это память об одном из самых ярких периодов его жизни, наполненном незабываемыми моментами и ежедневной опасностью. Много позже командир партизанского соединения, бывший секретарь Черниговского обкома КПСС Федоров напишет книгу “Подпольный обком действует”, в которой расскажет о героизме простых гражданских людей, их подвигах и лесных буднях.

Конечно, пацанов в отряде, как могли, берегли, не позволяли участвовать в военных действиях. В их задачу входило быть связующим звеном. Посты стояли на расстоянии двух километров друг от друга. Заметил немцев, добежал до дежурного, сообщил, тот бежит к следующему посту с докладом и так - до самого лагеря. Сколько раз ребячья прыть помогла встретить врагов во всеоружии и уцелеть самим.

За Ичню немцы биться не стали. Просто покинули город. С приходом наших партизаны вышли из подполья. Василий был направлен в истребительный батальон при Ичнянском отделе НКВД. Производили зачистки территорий, вылавливали предателей Родины, дезертиров.

С восстановлением городского военкомата его призвали в действующую армию. В Полесье попал в шестой отдельный лыжный батальон специального назначения.

- О нас в газетах военного времени не писали: то были бои местного значения,- вспоминает ветеран. - Действовали безо всякой артподготовки. Звучал приказ. Невзирая на топкие полесские болота, пади, кочки, на "ура" выбивали немцев с позиций. Шли только вперед. Вперед, без остановок.

Мой собеседник с гордостью показывает бережно хранимую им вырезку из газеты "Тихоокеанская звезда" за 1964 год. В заметке "Улица имени земляка" руководитель поисковой группы следопытов - краеведов из Гомеля В.Иванов пишет о том, что в белорусском городе Мозыре именем Арсения Сергеевича Иваненко (уроженца Приморья, командира В.С.Марковского) названа улица в новом микрорайоне.

Бойцы его батальона, вооруженные только автоматами, ручными пулеметами, гранатами, выполняли ответственные боевые задачи. Добывали для командования ценные разведывательные данные, вместе с пехотой ходили в атаку и держали оборону. Отважные лыжники бесстрашно действовали там, где в снежные заносы не могли пройти артиллеристы и танкисты. Только за два месяца боев - в ноябре-декабре 1943 года - батальон майора Иваненко уничтожил почти 1200 солдат и офицеров противника, 40

складов с горючим и боеприпасами, захватил штаб немецкого стрелкового командования. В этих впечатляющих результатах есть личный вклад и нашего героя.

В памяти ветерана навсегда остался образ командира - умного, грамотного, отважного и решительного. Погиб он в январе 1944 года в бою с немцами. Пуля - она ведь бездушная, не щадит никого. Через шесть дней кусок свинца чуть не лишил жизни нашего земляка. При взятии немецкого опорного пункта он был тяжело ранен.

Немцы расположились в лесу. Команда "Вперед!" Взвод лыжников броском двинулся к позиции. Дальше Василий ничего не помнит. Как пришел в себя, узнал: спас друг Александр Артеменко. Из-под огня вынес и раненого и винтовку (иначе не избежать неприятностей), передал санитарам. На волокушах по снегу дотянули до медсанбата.

Госпитали. Сколько их было! Калиновичи, Новозыбково, Брянск. На санитарном поезде довели до Казани.

Восемь месяцев провалялся. Осколочное ранение тазобедренного сустава хотя и не повредило кость, было очень тяжелым. Рана - 30 сантиметров в длину и 10 в ширину. Образовалась огромная выбоина, внутри которой постоянно гноилось и никак не затягивалось. Думал, отдаст Богу душу.

Но молодость взяла свое: чуть полегчало, вместе с другими выздоравливающими выбирался в город. Одежды у бойцов не было. При поступлении в госпиталь забирали и либо отдавали в прачечную, либо выбрасывали - так она была посечена осколками, что восстановлению не подлежала. А как хотелось подышать не больничным, а городским воздухом! Вот и щеголяли в кальсонах и на улицах, и в трамваях. Укладываясь спать, прятали ценную деталь туалета под матрац, чтобы сестра-хозяйка, как лицо материально ответственное, не забрала и не сдала на склад.

После выздоровления по направлению Казанского военкомата Василия зачислили в пехотное училище. Но учиться не захотел, с большим трудом отпросился на фронт. Осенью 1944 года попал в роту автоматчиков 902-го стрелкового полка 248-й стрелковой дивизии 5-й ударной

армии под командованием генерал-лейтенанта Берзарина. Дивизия направлялась в Польшу.

Василий тогда возглавлял комсомольскую организацию. Обычно перед боем политруки и комсорги собирали бойцов и вели беседу за жизнь. Призывали ни на минуту не забывать, что Родина в опасности и очень нуждается в своих защитниках.

Голодные и оборванные бойцы завидовали танкистам, летчикам и артиллеристам. В тех войсках кормили хорошо. А на четверых пехотинцев приходились 700-граммовая буханка хлеба, одна банка тушенки, 250 граммов сахара. Марковский свой сладкий паек отдавал за табак, который порой заменял добрую порцию еды в короткие передышки между боями.

В ожесточенных сражениях, шаг за шагом двигались дальше к границам Германии, к самому ее сердцу - Берлину. 248-я стрелковая дивизия в числе других форсировала Одер. Фашисты с боями сдавали каждую позицию, яростно отстреливались. В районе Гросноендорфа взвод, в котором служил Василий, занял оборону на сахарном заводе.

- Сами не сразу поняли, где оказались, - вспоминает ветеран. - Немцы окружили со всех сторон. Мы схватили мешки с чем-то, давай закладывать окна. Только потом распознали, что с сахаром. Бились до самой темноты. А фашисты все прибывают и прибывают. Командир полка обмотался полковым знаменем и вызвал огонь нашей артиллерии на себя. Чудом уцелели под руинами здания.

В апреле наконец увидели своими глазами окраины Берлина. Путь преградила Шпрее, протекающая через город. С противоположного берега фашисты из миномета огнем поливают. Мосты взорваны. Старослужащий Зафаров, опытный вояка, еще под Сталинградом пороха нанюхался, кричит:

- Васька, не лежи! Снаряд взорвался, передвигайся дальше. Бьют, гады, по одной линии.

Добрались до берега. Соорудили плоты из подручных средств, нашли лодки. Форсировали реку. И двинулись дальше, к Имперской канцелярии. Здесь солдат из российской глубинки впервые увидел метро. Рота автоматчиков, где был

Василий, направилась в разведку. Забрели в какой-то подземный тоннель. Кругом немцы сидят. Не военные, гражданские. От бомбежки спрятались. А фашисты воду под землю пустили, считай, своих же затопили.

После войны Марковский по направлению штаба полка проучился год в Сызранском танковом училище. После его расформирования был направлен в Брест, в танковый батальон. В звании старшего сержанта прослужил еще пять лет в должности командира танка.

Страна залечивала раны, восстанавливались города и села, перестраивалась работа предприятий на мирный лад. Возвращались на гражданку и бывшие воины. Надо было получать специальность и жить дальше.

На вступительных экзаменах в Киевскую школу машинистов Василий напрочь забыл все правила (шутка ли: 10 лет назад учился). Его диктант комиссия оценила на "двойку", зато литературу устно - на "пятерку". Хорошо, завуч вступилась:

- Не беда, как воевал, так и учиться будешь!

По окончании учебы распределился в Облученское паровозное депо Амурской железной дороги. Как водится, не подкачал солдат и на трудовом фронте.

Бывалые говорят: у каждого - своя война. Своя война была и у Василия Семеновича Марковского. Свои потери и свои победы. За них он заплатил непомерно высокую цену. Пережил семь операций. В очередной раз хирург, увидев его в отделении, удивился:

- Дед, ты еще жив! Я и не знаю, где тебя резать, на теле живого места нет.

Крепится ветеран. Война для него не закончена. Война с болезнями. Но он старается не думать об этом. По торжествам надевает парадный пиджак, увешанный боевыми и трудовыми наградами, где особенно дороги его сердцу ордена Отечественной войны I степени, Славы III степени, Октябрьской революции. И, конечно же, самая первая его медаль - "За отвагу". Берет в руки гитару и совершенно

молодым сильным голосом поет «Марш сызранцев». Песня напоминает ему учебу в танковом училище, тот победный настрой, когда советский патриотизм одержал верх над вооруженным до зубов фашизмом, и собственную молодость. И душу заполняет радость: он выжил и надеется прожить еще. За тех, кто навсегда остался на полях далеких сражений.

Ефим КУДИШ

ТРИЖДЫ СЛАВЕН СОЛДАТ

На здании по ул. Октябрьской, 21 в поселке Смидович - мемориальная доска: «В этом доме с 1972 г. по 1984 г. жил Гагаринов Александр Михайлович - Кавалер ордена Славы трех степеней»...

В Инское паровозное депо Саша Гагаринов устроился учеником строгальщика. Ему нравилось вслушиваться в монотонное гудение мотора, постепенно прибавляя обороты, следить за работой резца. Ошибаться нельзя. Чуть зазевался — брак не исправить. Терпение и внимательность были, видимо, врожденными свойствами его характера. Он не подозревал, что они пригодятся для другой профессии, совсем не мирной.

В июне 1941 года поселок опустел. Многие мужчины ушли на фронт. Те, кто остался, работали за двоих, за троих. Отработав смену и пару часов отдохнув, Саша снова возвращался в цех. И всё же ему казалось, что он стоит в стороне от великой битвы. Слова на плакате: «Что ты сделал для фронта?» – он относил к себе: «Мало». И снова шел в военкомат. Ему привычно отвечали, что он нужен в цехе не меньше, чем на фронте. Саша уходил, а через несколько дней вновь писал заявление. В конце концов просьбу его удовлетворили.

Сборы были короткими. С востока на запад уходили эшелон за эшелонами с дальневосточниками. Александр Гагаринов попал на Сталинградский фронт. Очень скоро выяснилось, что его природные качества – терпеливость, точность, выносливость – главные и для снайпера. Его стали посылать на особо важные задания. Уже под Сталинградом он поразил не один десяток фашистов. Там же получил первое ранение.

После излечения его направили в 4-ю противотанковую гвардейскую бригаду Белорусского фронта. Снайпер сменил винтовку на оптический прицел противотанкового орудия, стал наводчиком, затем командиром орудия. Особенно отличился Гагаринов при форсировании реки Буг. На поле боя фашисты оставили тогда восемь подбитых танков. Наши войска вступили в город Люблин. Грудь солдата украсил орден Славы третьей степени.

Гвардейцы в упорных боях освобождали Польшу. Вскоре Александра Михайловича награждают орденом Славы второй степени. Этот орден он получил при форсировании реки Вислы и за участие в создании плацдарма на ее правом берегу.

Было это в июне 1944 года. Полк, в котором Гагаринов служил наводчиком, переправился на пароме на чужой берег. Начался бой. Впереди – вражеская высота. С нее фашисты обстреливали наши войска. Командир полка отдал приказ: «Овладеть высотой».

- Удивительно получилось, - вспоминал ветеран, - взяли мы ту высоту без потерь. А за ней лес темнеет. Только мы на

огневой обосновались, видим: ползут из леса танки. Восемнадцать танков, и на каждом автоматчики. А у нас в полку - двадцать противотанковых орудий и за спинами Висла. Решили бойцы стоять насмерть. Наш орудейный расчет приготовился к бою.

Танки все ближе. Огонь! Загорелся один танк, второй, третий, четвертый... и вдруг молния, адский грохот. Орудие Гагаринова разбил немецкий снаряд. Смертью героев погибли четыре товарища: Скворцов, Сидоренко, Иванов, Федоров. Командир расчета Нестеров тяжело ранен.

Ранило в ногу и командира. Гагаринов подполз к нему, стал перевязывать. Пальцы не слушались, а перед глазами плыли огненные круги.

Лежат Гагаринов и Иван Нестеров на земле, слушают, как бой откатывается в сторону, и вдруг наши «катюши» из-за реки ударили. Били по танкам без промаха. В воздухе появились красноезвездные самолеты. Немцы не выдержали мощного удара и отступили.

С восточного берега Вислы хлынули на «пятачок» наши войска.

Когда наступило затишье, гвардии сержант Александр Гагаринов вытащил командира из окопа и, припадая на раненую ногу, понес его на руках к берегу реки. В представлении к правительственной награде говорилось, что А.М.Гагаринов совершил в бою подвиг и спас жизнь командиру. ⁴

Расчет Александра Михайловича продвигался вместе с пехотой вперед на запад. Частенько приходилось на руках тянуть пушку, увязая по колени в грязи, а затем, выбиваясь из последних сил, сооружать новые огневые позиции и вступать в бой.

Отличился наш земляк в решающие дни штурма Берлина. Соппротивление фашистов с каждым днем, с каждым часом становилось все ожесточеннее. Были моменты, когда приходилось вступать в бой с ходу, не было времени

окопаться. Вот и сейчас из-под небольшого куста, который рос недалеко на пригорке, застрекотал пулемет. Он бил без умолку, не давая поднять голову.

Гагаринов быстро определил прицел. Его орлы не подкачали - одного выстрела оказалось достаточно, чтобы поднять в воздух куст вместе с пулеметчиком.

- А потом пошли часы, счет которым мы все потеряли, - вспоминал Александр Михайлович. - Наша пушка была по пехоте, уничтожала пулеметные гнезда, снова разила пехоту... Снова пулеметы... В этот день расчет разметал двенадцать огневых точек. Попутно разбили две особенно досаждавшие нашей пехоте минометные батареи.

Еще более тяжелым был следующий день. Гитлеровское командование, разъяренное тем, что советские войска уже ведут бои в центре Берлина, ввело в бои танки и самоходную артиллерию. Поблизости нашей специальной противотанковой артиллерии не было, и бои с бронированными чудовищами пришлось вести легким пушкам.

В этом неравном бою расчет Гагаринова не дрогнул. И не только устоял в противоборстве с танками - уничтожил еще две машины. Первый танк неосторожно подставил бок, и наводчик вlepил ему снаряд так удачно, что взорвал боеприпасы. Секунда - и в сторону полетели тяжелые куски стали. У второго сначала повредило гусеницу. Он затих, чуть наклонясь. Но танкисты там, видно, оказались упрямыми - продолжали стрелять из пушки. Александр Гагаринов принялся клевать снарядами башню, с третьего удара своротили ее.

Под вечер был момент, когда расчет Гагаринова остался с противником, как говорят, с глазу на глаз. Но солдаты сражались мужественно, никто не покинул боевую позицию. Да и как они могли отойти? Это был последний бой на подступах к рейхстагу. Было это 30 апреля 1945 года. За этот подвиг он был удостоен ордена Славы первой степени и

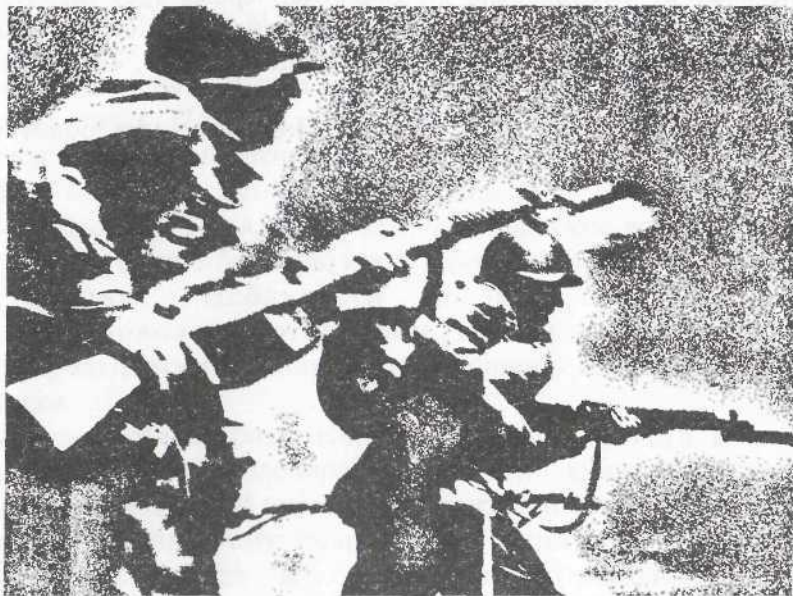
стал полным кавалером трех солдатских орденов Славы.

В честь 25-летия Великой Победы Александр Гагаринов был приглашен в Москву на встречу кавалеров трех орденов Славы. Привез ветеран подарок - военно-историческую библиотечку, книги о Великой Отечественной войне, сфотографировался у Боевого Знамени полка, с которым прошел от Сталинграда до Берлина. Кроме трех орденов Славы, был награжден двумя орденами Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина».

За каждой наградой - подвиг. Подвиг во имя родного Отечества.

Нина ФИЛИПКИНА

ЕГО И ПОНЫНЕ ВЫНОСЯТ ИЗ БОЯ

На Берлинском направлении занимали оборону войска групп армий "Висла" и "Центр". Это 48 пехотных, 6 танковых и 9 моторизованных дивизий, 37 отдельных пехотных полков, более десяти тысяч орудий, 300 боевых самолетов, 1500 танков. Общая численность гарнизона превышала 200 тысяч человек, включая батальоны фольксштурма. Оборона глубокая, плотно занятая войсками. Замыслом советского командования было прорвать ее, расчленить на несколько частей, уничтожить и выйти на Эльбу для соединения с союзниками.

Историческая справка.

Вот такая была обстановка на Втором Белорусском фронте, в составе передовых частей которого вышел к берегу Одера биробиджанец Николай Винник.

На одном из пилонов мемориала Славы в областном центре высечено имя Льва Фриделевича Винника, переселенца из Подольска, обосновавшегося до войны на окраине Биробиджана. Этот человек отличался двухметровым ростом и могучим телосложением. Он погиб в 1938 году во время Тихвинской операции еще на финском фронте.

И как бы на смену Леве в армию призвали его младшего брата Николая, которому суждено было пройти долгий путь борьбы и побед в великом противостоянии фашизму. От Пинска до Берлина пехотинец "пропахал" по-пластунски сотни километров своей и чужой земли, почти два года не вылезал из окопов и на этом тяжком пути много видел, много слышал, а еще больше испытал и перенес.

После Курской битвы долгий путь наступления прошел через города Белоруссии, Польши, Германии. Служил в артрязведке, но из-за тяжелого ранения в ногу пересел на мотоцикл вестового при штабе. Одновременно исполнял обязанности переводчика, потому что знал еврейский и был одним из немногих, кто мог объясняться с немцами. В его фронтовой биографии - Альтенбург, общение с улыбчивыми американцами и сдержанными в проявлениях эмоций англичанами.

А в душу солдата в те неповторимые весенние дни запало немудреное стихотворение однополчанина, сочиненное самодельным поэтом экспромтом на привале:

Одели апрельские теплые краски

На все довоенный забытый покой.

Минуты затишья, и мы точно в сказке:

Германия. Одер. Закат над рекой.

Но это не сказка. Усталым солдатам

Достаточно только потряхнуть головой -

За мирной рекой, за волшебным закатом

Поднимется снова рубеж огневой.

Мы шли к нему жаркими злыми боями,
Встречаясь со смертью одни на один.
Мы шли к нему долго. И вот перед нами
Совсем уже рядом дымится Берлин.
Душевную русскую песню играет,
О Родине думая, старый солдат.
Под звуки гармонии бледнеет и тает
Над Одером чей-то последний закат.

Автор этих строк, оборонявший Сталинград, погиб под городом-крепостью Кюстрин (60 км от Берлина) за три недели до конца войны. Родом он был с Амура...

Николай Фриделевич не штурмовал рейхстаг, но незадолго до этого события вместе со своими соратниками сутками расчищал путь ударным группам к главному логову врага. Бывалые солдаты знают, насколько тяжело вести бои за квартал, улицу, дом. Порой и не знаешь, кто находится во время "зачистки" рядом. Однажды его взвод заночевал почти вповалку с отрядом фольксштурма. К тому же большую угрозу представляли снайперы. В Берлине Винник был трижды ранен, но пьянящее чувство близкой победы помогало преодолевать и боль, и слабость.

Только после пяти с половиной лет службы в Германии солдат вернулся в Биробиджан. К тому времени родителей уже не было в живых, их дом на Фибролите растащили по бревнышку, и Николаю пришлось некоторое время жить у родственницы в сарае. Благо, он встретил свою судьбу - Брониславу Яковлевну, миловидную, сердечную женщину, хорошую хозяйку, искусную рукодельницу - будущую мать его двоих сыновей и бабушку любимых внуков.

За плечами фронтовика была еврейская школа на Птичнике и техникум, где он получил "корочку" строителя. Это позволило ему тридцать лет безупречно проработать сантехником на Биробиджанской обувной фабрике.

Нам важно знать как можно больше о каждом участнике исторического сражения на развалинах германской столицы, тем более, когда речь идет о наших земляках-биробиджанцах.

Однако шесть десятилетий - слишком внушительный срок, чтобы можно было запросто представить теперь читателям солдат Победы: вот, мол, какие они были, какие есть на сегодняшний день! Трудно подобрать слова для рассказа о каждом из этих удивительных людей. Да и сколько их осталось рядом с нами! Многие уже покинули пределы земного бытия, но те, кто и сегодня не пасуют перед старостью и недугами, мужественно помогают сохранять в памяти народной величие эпопеи Великой Отечественной войны.

Берлинская операция продолжается для Николая Фриделевича Винника, можно сказать, по сей день. Любящие родные, опытные медики, преданные однополчане и сегодня символически выносят его из боя. В настоящее время он находится в специальной клинике, где врачи лечат ноги инвалида консервативными, но надежными методами. Все-таки не ампутация...

Многочисленные награды ветерана, среди которых и медаль "За взятие Берлина", займут свои места на груди героя войны в день 60-летия Победы. Вместе с Николаем Фриделевичем и Брониславой Яковлевной по праву торжествовать будут два их сына - авторитетные биробиджанские врачи Евгений и Феликс и, конечно же, внуки, для которых боевой дед - самый замечательный человек на свете.

Александра ДНЕПРОВСКАЯ

ОРДЕНА ДОГОНЯЛИ ЕГО

Весть о смерти Нестера Попова очень расстроила Николая Никаноровича Матафонова. Ушел последний фронтовой друг. С Нестером они встречались регулярно, хотя Матафонов живет в Биджане, а Попов в Венцелево. Выпивали, пели под трофейный аккордеон и обязательно вспоминали, как разминировали ДнепроГЭС...

Разведка донесла, что готовится взрыв плотины. Немцы нашпиговали ее минами по 50 кг каждая. Саперам приходилось вдвоем одну вытаскивать. А до этого фрицев отогнали партизаны. Пришел черед саперов. Трое суток в воде работали. А когда все мины были извлечены, расположились в заброшенной избе. Разбросали на полу сено и тотчас уснули тяжелым сном.

Матафонов проснулся от пинка в бок. Пинал молодой генеральский адъютант:

- Чего развалились, а ну, поднимайтесь! Быстро!

Матафонов встал и с размаху въехал в сытое лицо офицера.

Орден за спасенный Днепрогэс дали многим, в том числе и тому адъютанту, а саперному взводу не дали — неприлично себя ведут.

- Матафонов! Прекратить! — и линейка опустилась на Колькину голову.

Учитель не был слишком строг, просто вывел его из себя этот шемела. Оно и понятно, на два года старше своих одноклассников, он был заводилой и главным закоперщиком всяких ребячьих шалостей. Вот и сегодня подговорил соседа плевать жеваными бумажками в солнечный зайчик на полу.

При этом сам Колька был отличником. В том, что он учится не со своими годками, его вины нет. Школа была маленькой, детей в селе множество и отбор их в первый класс шел по принципу: есть тятка — погоди, нет тятки — заходи. А всё потому, что полусиротам надо быстрее грамоте подучиться, чтобы потом, не отвлекаясь на всякие там книжки-тетрадки, помогать мамке сестер да братьев растить. Потому и возвышался над первоклашками тяткин сын Николай Никанорович Матафонов.

- Пришибу, - говорила ему мать Улита Петровна после каждой жалобы учителя на непотребное поведение сына. Однако руку так ни разу и не подняла. Уж больно хорошо помогал по хозяйству, да и с младшим братом Ананькой и сестрами водиться любил. Рыбу ловил, черемшу по весне собирал, сарай, курятник чистил. Да и отец к нему относился с уважением: книжки читал шибче его.

Семь классов окончил Николай. По тем временам чуть ли не профессор. А поскольку Матафон (так укоротили фамилию его же дружки) учился исправно, ему предложили поехать на годичные курсы ветфельдшеров в Биробиджан. Было это в 37-м году.

Уже в городе дошла до него весть, что отца Никанора Семеновича арестовали за сочиненную им же частушку. Мол, подвыпил мужик и давай на все село орать: «Сыч хреновину городит, Золотарь х...ню поет, Друскина по полю ходит и газеты раздает». Учитывая то, что Сыч - председатель сельсовета, Золотарь - председатель колхоза, а библиотекарь Друскина - проводник и распространитель партийных идей, Никанора немедленно объявили антисоветчиком со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Однако сыну его доучиться дали и даже приняли обратно по окончании курсов в родной колхоз имени Мухина на должность по специальности. Он и жениться успел до того, как призвали его в армию в мае 1941 года. Провожала его жена Нюра - женщина редкой красоты. В селе ее так и звали Королевна - за стать, за белую кожу, за неспешные движения и походку павы заморской. Она, собственно, и не была биджанской, из Курской области залетела, а тут Матафон накинул на нее крепкие сети.

По гудам кирпичей - всё, что осталось от красивой сталинградской улицы, - вели группу пленных в зеленых шинелях. Съежились, головы втянули, плечики подобрали.

- Румыны, - произнес кто-то за спиной Николая. В голосе не было сочувствия, но и злости тоже.

- Так им и надо, - тут же повернулся он.

Он только вчера прибыл на фронт из Хабаровска, где три месяца обучался на сапера. Сталинград, даже лежащий в руинах, поразил его. И не только масштабом разрушений, свидетельствующих о ярости битв. Даже в таком виде город сохранял величие и следы былой красоты. И это они, враги, испоганили ее.

За спиной стоял парень не старше Николая.

- Да знаем мы этих немецких союзничков. Румынам, итальянцам, австриякам фрицы шибко не доверяют. Они их на линии фронта строят так, чтобы наблюдать за ними. Побежит - сразу пуля в лоб.

244-й инженерно-саперный батальон под командованием майора Зосимухи перебросили из Хабаровска в Сталинград

в конце 42-го. Морозы выдались небывалые для этой местности. Продуктов не хватало. Даже бойцам действующей армии полагалось по 500 граммов хлеба на день. Иногда был «приварок» — пшено и горох. Лишь водку перед боем выдавали регулярно: по 100, а то и 200 граммов «сталинских». Впрочем, жителям «города вождя» жилось еще хуже.

На передовую сына «врага народа» отправили не сразу. В Комсомольске-на-Амуре его сначала определили в строительный батальон. Но веселый нравом биджанец не терзал себя обидами. Укладывал дороги, возводил жилые дома на Дземгах, ждал писем от Ньюры, в которых она писала о том, что на колхозных полях посажены и картошка, и помидоры, и морковка, и арбузы, и хлеб должен быть хороший, и махорка дружно поднялась, и на ферме все, как при нем, только ветеринара нет, отчего бояться скорого падежа.

В 42-м часть, в которой служил Николай, перебросили в Хабаровск. Там рядового Матафонова и обучили саперному мастерству.

Сапер первым ступает на освобожденную землю. Работа по большей части ночами. Если кто-то не усек мину своим миноискателем, не поставил флажка, а впоследствии на этом месте танк подорвался, то того сапера вычисляют и увозят куда-то. Во взвод он больше не возвращается.

Сапер Матафонов дошел до Берлина. Других подтверждений качества его работы не требуется.

Приходилось и в боях участвовать. Основной боеприпас, который им выдавали, — бутылка с зажигательной смесью. Бросаешь в моторную часть танка — и вот он уже полыхает огнем.

После боя даже подсмеивались над фрицами:

- Дурак Гитлер! Танки на бензине заводятся, конечно, быстрее, чем наши на дизельном топливе. Зато от бутылки горит шибче и красивее.

Под Сталинградом его впервые ранили — в ключицу. Отделался. Можно сказать, легко. Часть тогда почти в клочья

разнесли. Оставшиеся в живых 12 дней выходили из окружения.

Впереди были переправы через реки Донец, Северный Донец, Шпрею, Эльбу, Нельсу. Когда не было основной работы, саперы возводили и строили мосты. Порой Николаю поручали заряжать “Катюшу”. Приводилось из автомата стрелять.

Впереди была Варшава. Матафонов отдыхал в землянке и вдруг услышал: «Алжира убили!». Алжир — его земляк Иван Булдыгеров. Почему его так прозвали, он и сам не помнит. Николай знал, что Ваня с разведзвездом ушел ночью языка брать. Выскочил из землянки, увидел: друга несут на носилках. Кажется, дышит.

- Шмайсером полоснуло, - как будто оправдываясь, сказал разведчик.

Булдыгеров умер через несколько часов, на глазах у друга-земляка. На следующий день была атака. Матафонов заскочил в блиндаж, а там - два перепуганных немца. Тут же - 11 аккордеонов. Видать, музыканты полковые. Николай полоснул из автомата не глядя. Это он сейчас подумывает: может, и ни в чем не виноваты были эти музыкантишки. Небось, и оружие в руках не держали. Тогда же в глазах стояло мертвое лицо Вани.

Один аккордеон он забрал себе в качестве трофея. Повсюду потом возил за собой, выучился подбирать по слуху песни и громко их распевал. «Чем шибче поешь, тем лучше слышишь», - приговаривал в перерывах.

Берлин поразил ровными чистыми дорогами. Таких он вовек не видал. Они тащились на повозках. В телегах - миноискатели, топоры, ломы, другие нужные мостостроителям инструменты. Припасли и краску для личной росписи на стенах рейхстага. Вдруг впереди какое-то железное чудище. Это был автогрейдер.

- Чё он делает? — удивлялись саперы.

- Дорогу брочет, - хохотнул Николай.

Все развеселились. Кто-то крикнул грейдеристу:

- Давай, давай - расчищай дорожку победителям!

Потом была Прага. Она встретила освободителей очень приветливо. Казалось, все чехи говорят по-русски. Все улыбались – точно. Бойцов расквартировали по семьям. И его тоже, молодого сильного парня, приютила молодая чешка, мать двух милых крошек. Меж ними вспыхнула короткая любовь, и, может, этот невоенный факт заставляет Матафонову вспоминать Прагу как самый красивый и доброжелательный город Европы. Между прочим, он там городскую канализацию от спрятавшихся в ней немцев очищал. И в театр ходил.

Домой он возвратился в 46-м в звании младшего лейтенанта. Нюра встречала в Бабстово, каким-то чудом узнав, что в этот день он будет проезжать. На площадке у вокзала фронтовик увидел жену, а рядом с ней маленького ушастого офицерика – нового мужа. Николай предстал пред ними весь в орденах и медалях, а у соперника – ни одной. Всю войну он находился в частях, дислоцировавшихся на территории Ленинского района, в том числе и в Биджане. Офицеры жили на квартирах, солдаты – в землянках. Без дела не слонялись, чем могли помогали гражданскому населению, состоящему из женщин, детей, стариков. Кололи им дрова, косили сено, а с кем-то и хлебом делились. Офицерик жил неподалеку от Нюры, вот и прикормил Королевну.

Расстался Николай с женой полюбовно, детей у них не было, жили вместе до войны немного. Да и он сам был небезгрешен. Долго, кстати, уже от второй жены прятал фронтовую фотографию, где он сидел с однополчанином, а подле него стояла симпатичная санитарка Дуся в пилоточке.

Улита Петровна встретила сына с великой радостью, но с сухими глазами. Все слезы за войну выплакала. В тылу, хоть и за тысячи километров от фронта, жилось не менее тяжко. Колхоз перестроил работу в соответствии с требованиями военного времени. Все четыре года, помимо работы на полях и фермах, колхозники рыли траншеи, даже в своих огородах: японцев боялись. Они ему – деньги, а он им – бумагу. Многих

на лесозаготовки гоняли в Биробиджанский леспромхоз, заставляли металлолом повсюду собирать и вывозить своими силами в Ленинское. Все вырученные средства отправляли на фронт. А сами хлеба не видели, по полям гнилую картошку на еду собирали, пресную завитуху конфеткой считали. А еще отдавали деньги в заём государства.

Мирную жизнь налаживали постепенно. Особенно расцвело село в 60-х годах при директоре совхоза Бондаренко, тоже бывшем фронтовике. Дело даже до посадки огромного совхозного сада дошло, он еще долго плодоносил. Директор молодежь любил, спортивную жизнь для них наладил, футбольная команда Биджана по всему району славилась.

А Николай Никанорович начал работать, как он сам говорит, в Минзаге — Министерстве заготовок. По всем селам тогда были заготпункты, а Биджанский куст в те времена пять сел включал, поэтому и были у заготовителя Матафонова две лошади Казбек и Черная Соня. Вот он с ними сельхозпродукты у населения собирал. Потом плотничал, даже «королем бензозаправки» был, а потом все-таки вернулся на родную ферму бригадиром животноводства. Как везде и всегда трудился хорошо. Ему за примерную работу охотничье ружье в подарок вручили за 17 руб. 50 коп.

-А вообще меня награды догоняли, — говорит Николай Никанорович. - Представь себе: второй орден Красной Звезды и медали «За освобождение Праги» и «За взятие Берлина» мне вручили аж через двадцать лет после дня Победы. Шут его знает, почему так получилось...

Черкашин И.В.

Жоголев В.С.

Капкин А.И.

Марковский В.С.

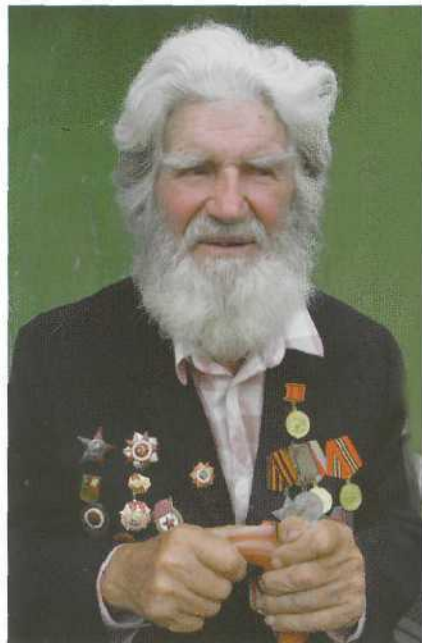
Скороход А.Ф.

Трофимов Н.Ф.

Воробьев В.Д.

Удобкин А.П.

Сигалов М.Ш.

Анатолий РАБИНОВИЧ

“ГОДЕН К НЕСТРОЕВОЙ...”

В жарко натопленном зале районного военкомата, где обосновалась призывная комиссия, казалось, было светлее обычного от множества голых тел и до хруста накрахмаленных халатов врачей и медсестер. Мальчишки, от смущения переминаясь с ноги на ногу, переходили от одного врача к другому. Миша забился подальше в угол, и вовсе не потому, что был самым стеснительным. Он переживал от того, что все знакомые пацаны, надев солдатскую форму, один за другим исчезали из его далеко уже не детской жизни, а его после тяжелейшей болезни, из-за которой он почти два года провалялся в больнице, врачи военкомата определили в “белобилетники”. Хоть он после семилетки проучился немного

в фабрично-заводском училище, так и не окончив его из-за болезни, но и представить не мог, куда податься в случае очередного “провала”. И так уже считал себя “белой вороной”.

- Призывник Немировский на комиссию явился! — бойко отчеканил он, когда настал его черед предстать перед председателем комиссии.

- Является только господь-бог. Явился он, видишь ли. Тебе сколько раз говорить, чтоб не являлся. Смотри, какой щуплый! Небось, так и не поправился после больницы. Тебя ж любой фриц раздавит.

- Не раздавит, товарищ военврач! А если я рапорт напишу?

- Рапорт, говоришь? Рапорт — это дело хорошее. Пиши, раз ты такой настырный.

По всему видно, умудренный опытом врач внимательно выслушал невысокого, похожего на подростка паренька, повертел его в разные стороны и, наконец, произнес:

- Годен к нестроевой!

Лишь в порядке исключения весной 42-го Михаила Немировского зачислили курсантом Хабаровского пехотного училища. Сначала из них, вчерашних мальчишек, готовили общевоинских командиров. Но вскоре наступил вынужденный перерыв в учебе. Около года с помощью кирок, ломов и саперных лопат они буквально вгрызались в хехцирские скалы, строя укрепайоны, — здесь, на востоке страны, угрожала войной Япония. Когда занятия возобновились, поступила команда переучивать на пулеметчиков. Надо так надо. Долго и нудно изучали они материальную часть пулеметов, их системы, зубрили воинские уставы и команды. Наконец наступил долгожданный день окончания училища. Было это в начале сентября 1944-го, предпоследнего года войны. Но и на долю младшего лейтенанта Немировского, как и на долю сотен тысяч призванных со всех уголков нашей необъятной страны безусых мальчишек, вполне хватило фронтовых лишений и мытарств.

На каком-то глухом полустанке погрузили весь выпускной

курс по вагонам, и потащился их состав на запад. Чтобы не ввязываться в многочасовые картежные баталии и пустопорожние разговоры (со своими товарищами по взводу уже столько было переговорено, а новых знакомств Михаил не спешил заводить, – на передовой их все равно ждало переформирование), он отвоевал себе самую верхнюю полку, отодвинул задвижку и часами глазел в вагонное окно. Сначала, чтобы не заснуть, принялся считать стога и изредка попадавшие строения. Потом переключился на мосты и крупные станции. А после, смежив веки, в полузабытьи вдруг увидел величавый Амур, их комнату-клетушку на дебаркадере прямо на берегу, которую, сжалившись над переселенцами с далекой Украины, им выделили, когда они приехали в Хабаровск. Словно наяву Михаил представил отца, который до войны с утра до вечера сапожничал неподалеку от речного вокзала. И так ему нестерпимо захотелось обнять родителей, что он даже сжал кулаки.

Несмотря на то, что прошло уже более полувека с той суровой поры, Михаилу Леонтьевичу Немировскому часто снится его первый бой. Было это на польской земле, где в октябре 44-го его назначили командиром пулеметного взвода 265-го стрелкового полка 20-й стрелковой дивизии. Рота, к которой был придан его взвод, двигалась по ложине, когда внезапно с небольшой высоты на наших солдат обрушился шквал огня немецких станковых пулеметов и автоматов. Огонь был настолько прицельным, что не оставалось никаких сомнений: противник заранее пристрелял ложину и все возможные пути отхода.

Наша пехота залегла, и по всему было видно, что надолго. Взводному приходилось перебегать от одного пулемета к другому и без усталости кричать необстрелянным солдатам:

– Ровнее ленту держи, чтобы ее не перекосило!

Когда тяжело ранило наводчика одного из расчетов, Михаилу пришлось самому лечь за пулемет. Ведя прицельный огонь по высоте, они сумели полностью отвлечь внимание противника. Наша пехота, обойдя немцев с флангов, вскоре

заняла высоту. На ней оказалось два станковых пулемета, несколько автоматчиков и снайпер.

В тот день получил боевое крещение не только молодой командир пулеметчиков, но и многие бойцы его взвода, призванные совсем недавно из только что освобожденных районов Украины и Белоруссии. Познавшие всю прелесть “нового порядка”, который пытались установить гитлеровцы на оккупированной территории, они воевали особенно отважно, подчас начисто забыв об осторожности. Да и неопытные совсем были.

Вот так с боями дошли они до Одера, до самой германской границы. Это только в песне поется: “Так-так-так”, - говорит пулеметчик. - “Так-так-так”, - говорит пулемет”. На самом деле все было гораздо труднее. Даже когда не надо было расчехлять пулеметы, приходилось тяжело: попробуй потаскать на спине, да еще с полной боевой выкладкой, весившие за тридцать килограммов пулеметные станки или стволы. Когда же приходилось принимать бой, было нестерпимо труднее. Кругом царил опасность. За бои в Польше Михаил Немировский получил орден Красной Звезды. Потом были другие награды, но та была ценна тем, что была самой первой в его пусть и короткой фронтовой биографии.

На польско-германской границе их 20-ю дивизию на две-три недели отвели на переформирование, и вот они уже ступили на немецкую землю. Впереди был Берлин.

Но враг и не думал сдаваться. На подступах к своей столице гитлеровцы соорудили три линии обороны и вели особенно ожесточенные бои. За две недели Берлинской операции наши войска потеряли около полумиллиона бойцов. Именно такая цифра значится в воспоминаниях Г.К. Жукова.

Много позже, будучи лектором, Михаил Леонтьевич с карандашом в руках изучит мемуары многих советских военачальников. И сегодня он может наперечет назвать, сколько наших войск, танков, артиллерии и самолетов было сосредоточено на берлинском направлении. Но тогда он был всего лишь маленьким винтиком огромной машины войны.

- Всем советским воинам, кто вошел в Берлин, надолго запомнились уличные бои, - рассказывает Михаил Леонтьевич. - Они были особенно жестокими. Враг цеплялся за каждый дом, за каждый этаж, за каждый подвал. Каждое мало-мальски крупное здание превращалось фашистами в своеобразную крепость. Наши саперы закладывали в стены тротил, взрывали его, и в образовавшиеся проходы врывались штурмовые группы. Иногда в ход шли и тяжелые самоходные орудия, за которыми прятались наши автоматчики.

Каждый день рота, к которой были приданы пулеметчики младшего лейтенанта Немировского, несла потери. В одном из боев был убит помощник командира взвода Яков Гриценко. Было очень обидно: Яша пережил оккупацию, потерю близких и вот погиб в самом конце войны. Как оказалось, вражеский снайпер одной пулей сразил его, а второй - вывел из строя пулемет. К тому же ранило двух бойцов расчета. Вот тут-то их взводу пришлось попотеть.

Но не довелось лейтенанту Немировскому расписаться на стене фашистского рейхстага. В один из майских дней 45-го неожиданно их полк вывели из боя, погрузили в юркие американские "студебеккеры" и повезли в неизвестном направлении. Оказалось, их дивизию отправили освобождать Чехословакию.

Германские военачальники уже приняли условия капитуляции, а тут, в лесах Моравии, окопались отборные части СС, которые и не думали сдаваться. Приходилось силой выбивать их из лесов и дубрав. И вновь их стрелковая рота несла ощутимые потери.

- Очень обидно было. По существу войне конец, а тут каждый день мы кого-то недосчитывались, каждый божий день кого-то хоронили, - продолжает рассказ Михаил Леонтьевич. - Помню, в одном из боев на подступах к Праге одному из наводчиков прицельным огнем прострелило обе руки. От боли он заорал благим матом. А я ему кричу: "Чего орешь, дурак! Радуйся, что живой остался, счастливцев. Руки-то что? Руки залечат! Война для тебя кончилась - ты это понимаешь?!"

Когда их 20-я стрелковая дивизия входила в город Мельник, что неподалеку от Праги, казалось, их встречают все взрослые жители.

- Все было именно так, как это запечатлено в кадрах кинохроники. Мужчины и женщины обступали нашу колонну, бросали под ноги цветы, угощали чем только могли.

Девятого мая Михаилу выпало дежурить по комендатуре города Мельника. Они бродили по городу, задерживали неопрятных солдат, проверяли у них документы. Вдруг слышат, по радио передают: "Победа!"

- Надо же как-то отметить такое событие. А как? Вспомнили, что в городе есть завод шампанских вин. После настоятельных просьб комендант Мельника дал нам записку на пять бутылок шампанского. Как ни упрасивали больше, он был неумолим. Мы — на завод, сует эту бумагу. А там никто не может читать по-русски. Тогда мы каждый показали по пятерне, — по-юношески задорно смеется мой собеседник.

- Ну, так нам и выкатили по пять бутылок. Мы за все заплатили, все честь по чести.

Более года их дивизия дислоцировалась в Чехословакии. Только в мае 46-го они отправились на родину. Танки, артиллерийские орудия погрузили на платформы, а сами пошли пешком. Большую часть суток шли, позволяя себе лишь несколько часов сна. Как ни тяжело было, это не шло ни в какое сравнение с тем, когда они с боями пробивались вглубь Европы.

Возвращение к мирной жизни было трудным и долгим. Летом 1946-го его отпустили в отпуск. В Хабаровске он с радостью встретил маму и отца, вернувшегося с фронта живым и невредимым, — даром, что ли, тот служил с казаками в кавалерии. Многие соседи и родственники подтрунивали: "Ну, Лева, тебя и угораздило еврейским казаком стать. А нагайку тебе там не выдали?!"

Тут на радостях Михаил и женился на соседской девчонке Ане, дождавшейся его с войны. Но срок отпуска неумолимо подходил к концу и надо было ехать обратно в Белоруссию, в город Волковысск, где временно дислоцировалась их 20-я

стрелковая дивизия. Прихватив молодую жену (медовый месяц у них был!), лейтенант Немировский через всю страну отправился в свою часть. А как приехал, опешил: за время его отпуска дивизия была расформирована. В штабе армии в Гродно ему выдали суточные, проездные документы, и айда назад в Хабаровск.

- Вот такое получилось у нас свадебное путешествие, - смеется Михаил Леонтьевич. — А с работой и жильем трудно было. Ладно, на работу партийные органы устраивали, а вот без своего угла мы помыкались поначалу.

Когда в Вооруженных силах СССР были созданы политорганы, Михаил Немировский написал рапорт с просьбой зачислить его в армию. Служа замполитом стрелковой роты в Долинске, что на Сахалине, он одновременно учился в вечерней школе. Там и получил долгожданный аттестат о среднем образовании, ведь в юности после семилетки его определили на ФЗО. Такая была установка — готовить рабочее пополнение. Но рабочим он так и не стал, поскольку вмешалась война.

А вот пропагандистом стал, да еще каким! Поэтому где бы ни работал Михаил Немировский — старшим инспектором по кадрам Хабаровского спецуправления №3, заместителем главного бухгалтера Главвторчермета, консультантом политотдела Амурского речного пароходства, - везде он ощущал неистребимую тягу к знаниям.

В 35 лет Михаил Леонтьевич отважился и поступил на исторический факультет Хабаровского педагогического института. Учился он на вечернем отделении, как принято сейчас говорить, без отрыва от производства, - у него уже дети были. Учился настолько увлеченно, с таким интересом, что даже подумывал об аспирантуре. Но тут случился новый поворот судьбы. Партия, в которую Михаил Немировский вступил еще на фронте, решила направить его на работу в Биробиджан.

- Поначалу я сопротивлялся, как мог, - тут мой собеседник опять расплывается в улыбке. - Но когда секретарь крайкома по идеологии пригрозил, что направит на "ковер"

к Черному, я сдался. Будучи секретарем партийной организации стройуправления, я не раз присутствовал на заседаниях партийного актива и знал не понаслышке, как Алексей Клементьевич может поговорить “по душам” с рядовым партийцем. Вот так я и оказался руководителем лекторской группы обкома партии.

...Всегда, когда по телевизору показывают передачи из концертного зала “Россия”, мой герой вспоминает весьма представительные семинары лекторов из всех республик Советского Союза, которые ежегодно проводились в Москве в этом огромном зале.

- С 76-го года каждый год ездил. Перед нами выступали секретари ЦК, руководители министерств и ведомств, даже из КГБ, светила науки. Они весьма откровенно говорили о положении в советской экономике, социальной сфере. И каждый раз подчеркивали: “Для вашего сведения!”

Тут мой собеседник делает долгую паузу.

- Раньше я думал и говорил, как все. А что? За границу мы не ездили, “голоса” всякие нам запрещали слушать, хотя один очень высокопоставленный столичный деятель приговаривал, что нам неплохо, мол, слушать “Голос Америки” и заниматься контрпропагандой. Ага, послушаешь тут. — Михаил Леонтьевич снова улыбается. — Вот после таких общепартийных семинаров я все чаще и чаще стал задумываться о положении в стране.

Когда пришли гласность и свобода печати, пропагандист с более чем тридцатилетним стажем стал жадно ловить каждое сообщение, каждый комментарий. Он всем сердцем принял перестройку, чего ему и не могут и не хотят простить его многочисленные партийные соратники, коих немало среди активистов городского и областного советов ветеранов войны и труда. Да Немировский ни от кого и не скрывает, что он сегодня в другой партии, в той партии, которая вместе с президентом пытается повести Россию по цивилизованному пути развития.

Вы только вдумайтесь: у моего героя 59 лет трудового стажа! Он уже разменял девятый десяток. Но до сих пор почти невозможно застать Михаила Леонтьевича дома. Оформив пенсию более двадцати лет назад, он многие годы работал в областном отделении Советского фонда мира, областном совете ветеранов войны и труда. До сих пор он — заместитель председателя областного отделения общества российско-китайской дружбы.

Именно в этом качестве я с ним впервые и познакомился. Именно он в начале 90-х помог руководителям телерадиокомпании “Бира” установить контакты с тележурналистами из северной китайской провинции Хэйлунцзян. Одним из первых на Дальнем Востоке областное отделение общества российско-китайской дружбы помогло наладить постоянные контакты с коллегами из соседней страны нашим работникам образования, здравоохранения, культуры. Сегодня уже никого не удивит тем, что постоянно обмениваются делегациями наши ветераны, врачи, учителя, самодеятельные артисты и музыканты. Они не просто ездят в гости друг к другу, а обмениваются опытом в проведении операций, методиками обучения, устраивают совместные концерты, фестивали. Совсем недавно, к примеру, состоялся обмен туристическими группами облученских и ичуньских школьников.

А в самый канун юбилейных торжеств делегация наших ветеранов войны, в которую вошел и Михаил Леонтьевич, совершила поездку в Китай, чтобы почтить память российских воинов, павших в далеком 45-м в боях за освобождение Маньчжурии. Значит, есть будущее у российско-китайской дружбы. И в том немалая заслуга ветерана-фронтовика Михаила Немировского.

Надежда ГРИШИНА

ВСЕМ МУКАМ ВОПРЕКИ

В Амурзетском районном краеведческом музее под стеклом одной из витрин хранится потертая кожаная тетрадь в матерчатом переплете со страницами, каждая из которых отмечена одной из букв немецкого алфавита. Это — альбом и песенник фронтовика. На пожелтевших от времени страницах — выцветшие записи его и его товарищей по оружию, сделанные на берегах Эльбы, под Варшавой перед форсированием Вислы, в разных городах Восточной Пруссии и Германии. Датированы они 1943-1947 годами.

Песни военных лет, стихи, порой неизвестных авторов, переписанные в редкие минуты отдыха из книг, брошюр,

блокнотов и черновиков, сохранили дух того времени. В них — ненависть к фашистам, тоска по домашнему уюту, воспоминания о мирной жизни, прерванной войной, размышления о нелегкой солдатской доле. Например:

Я — солдат. Душа моя — ловушка.

Все гражданское упрятал я туда.

Мне паек и курева осьмушка,

Я грустить не буду никогда.

У меня зимой не мерзнут ноги,

Теплый дом я вижу лишь во сне.

Если нет дорог, то без дороги

Я иду, куда прикажут мне.

Чуть дальше — горькое, личное: «Еще годик войны, и не будет мужчин». В неровных строчках — мысли о том, что смерть может прийти к бойцу в любой момент, не спрашивая, что успел тот сделать за свою короткую жизнь.

Эту тетрадь принес в музей младший сын Глеба Семеновича Баранова — Геннадий — заслуженный работник культуры, сумевший организовать в родном селе два творческих коллектива, известных на всю область, — фольклорную группу «Крыныченька» и хор «Родные напевы». Видимо, его отец, успевший закончить шесть классов школы, писал в ней, как и многие молодые солдаты, потому, что даже в самом жутком грохоте боев, дыму и огне им хотелось, несмотря ни на что, жить, любить и быть любимыми, верить в лучшее.

Длинной цепью улиц и переулков разбежалось по берегу Амура Пузино — бывшая казачья станица. Серой извилистой лентой пролегла через него асфальтированная дорога. Вдоль нее старые деревянные дома и более современные каменные коттеджи. Возле каждого — темные четырехугольники огородов, палисадники в обрамлении фруктовых деревьев и кустов. Это родина ветерана Великой Отечественной войны, участника штурма Берлина, в прошлом знатного механизатора Глеба Семеновича Баранова. Особенно красива она весной, когда строения прячутся в розовой пене садов и

воздух настоян на ароматах только что распустившейся тополиной листвы и сирени. Так пахнет земля, обласканная теплом яркого майского солнца, уже успевшая покрыться малахитовым травяным ковром.

Это село основал на высоком берегу Амура вместе с другими казаками, приплывшими сюда по реке, дед Глеба Семеновича. Большие века назад они построили здесь школу. В нее до сих пор ходят учиться пузиновские ребяташки. А рядом с сохранившимся с тех времен фундаментом церкви сегодня строители возводят новый деревянный Дом культуры. Отец ветерана сеял на приамурской земле хлеб. И для самого Глеба Семеновича никогда не было уголка дороже и роднее, чем этот. Он понял это во время службы в аккуратных городках Восточной Пруссии и Германии – Тильзите и Гросвальде – уже после войны. Их чистенькие дворики, мощенные булыжником мостовые, старинные особняки и ратуши радовали взор, но не согревали душу. Все в них было чужим. Поэтому, наверное, дорога домой через всю Польшу, Прибалтику, Россию – с Запада на Дальний Восток – показалась особенно долгой и тяжелой. Хотелось поскорее увидеть родных. Но главное, в Пузино целых пять лет с начала войны его ждала мама. И поле, по которому он еще мальчишкой проложил на тракторе первую в своей жизни борозду.

Судьба не баловала Глеба Баранова. В семье его родителей было девять детей. Сами они, бывшие до революции, как и все казаки, единоличниками, от зари до зари работали в колхозе. Когда по бывшей станице прокатилась волна политических репрессий, редко какая семья не лишилась своего мужчины-кормильца. Отца Глеба арестовали среди ночи и через месяц расстреляли в Хабаровской тюрьме как врага народа. Но об этом его родные узнали только спустя почти полвека, когда были раскрыты архивы НКВД.

В 14 лет подросток работал в колхозе наравне со взрослыми, помогал матери поднимать на ноги братьев и сестер. В 17 – стал комбайнером Амурзетской машинно-тракторной

станции. Когда началась война, как и все сверстники, рвался на фронт, мечтая защищать Родину. Не пустили. Нужно же было кому-то работать и в селах. Поэтому пахал, сеял, убирал, не зная отдыха. Но как только исполнилось 18 лет, в октябре 1942 года, его призвали в армию. Вместе с Анатолием Барановым, с которым росли на одной улице, в детстве катались на коньках по Амуру, попал в кавалерийскую часть в приморском поселке Камень-Рыболов. Потом долгий путь в воинском эшелоне на запад страны. Боевое крещение однофамильцы приняли уже пехотинцами на Курско-Орловской дуге – там, где горела под ногами земля от разрывающихся мин и снарядов, где от грохота танков и минометов можно было оглохнуть. Вжимались плотнее в почву, под плотным артиллерийским огнем, поднимались по команде в атаки с криками «Ура!» Шли многодневные ожесточенные, кровопролитные бои. И людские потери в них были огромными. После того, как их сильно потрепанную в боях часть расформировали, дороги односельчан разошлись. В следующий раз Барановы встретились в Пузино уже после Победы.

Почти три года Глеб был наводчиком зенитных пулеметов зенитно-артиллерийского полка – так написано в его военном билете. Домой вернулся только весной 1947 года. Родные сразу заметили, что стал он совсем другим человеком – более серьезным, ответственным. Его гимнастерку украшали медали «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией». Самую почетную награду – орден Красной Звезды младший сержант Баранов получил прямо в Берлине за сбитый вражеский самолет. Участвовал он и в штурме Кенигсберга. Воевал в Прибалтике, Польше. Зенитчики располагались на переднем крае, мешая вражеским самолетам вести прицельный огонь по пехоте и танкам. Они каждый день ходили под смертью, не зная, с какой стороны прилетит пуля, осколок бомбы или снаряда. Радовались каждому подбитому немецкому стервятнику. Состав расчетов менялся постоянно. И Глебу, конечно, не

однажды за годы войны приходилось хоронить боевых товарищей, с которыми ел из одного котелка, укрывался одной шинелью. Как-то, уже после выхода на заслуженный отдых, пытался ветеран записать на бумагу свои воспоминания об увиденном и пережитом на войне — не смог, сжег тетрадь с записями.

По семейной традиции каждую весну в День Победы он обязательно вместе с сыновьями приходил к обелиску с цветами, чтобы почтить память погибших на фронтах Великой Отечественной войны односельчан и тех, с кем пришлось воевать, — кто не дожил до этого радостного дня. Глеб Семенович считал это своим долгом.

В последний раз я была в гостях у фронтовика в сентябре прошлого года. Еще ярко желтели на клумбах в его дворе цветы, падали со старых груш на землю осенние листья. Новой краской блестели стены дома, похожего на яркий теремок. Хозяин — худощавый, смуглолицый, невысокого роста, рассказывал о своей жизни очень просто.

- Вернулся я в Пузино, — вспоминал тогда ветеран, — бедность страшная. Ни одет. Ни обуш. Сел на трактор в Амурзетской МТС. Трактора тогда были без кабины, открытые солнцу и ветрам. Бывало, зябь в поле целый день пашешь голодный. Куска черного хлеба за пазухой нет. Вечером идешь пешком с работы. Дойдешь — уже полночь, а утром в шесть часов снова надо в поле быть. Опоздаешь — будут судить. А еще продналог сдай — мясо, молоко, яйцо. И никто не спрашивал, есть они у тебя или нет. Нет — значит, купи. Технику круглый год под открытым небом ремонтировали — и в дождь, и в снег, и в мороз. Никому не расскажешь, какие это страшные муки были. Не поверите, а я ведь думал тогда даже, что лучше бы на войне убило.

Все тяготы послевоенных лет с Глебом Семеновичем поделила его жена — Екатерина Михайловна. Свадьбы у молодых не было. Просто Катя Щebenькова, жившая по соседству, перешла под крышу дома матери Глеба. В войну она работала в колхозе — возила с поля зерно, полола овощи.

Позже трудилась бухгалтером, продавцом, техничкой в школе, отсюда ее и проводили на пенсию. Общительные, гостеприимные, работающие, Барановы всегда держали большое подсобное хозяйство, сажали много огородов. Их усадьба до сих пор одна из самых благоустроенных и ухоженных в Пузино. Правда, это уже заслуга их внуков. У Екатерины Михайловны сильно болят натруженные ноги.

По словам младшего сына Барановых Геннадия, отец на работу уходил очень рано. Возвращался поздно вечером. Так что заниматься воспитанием детей ему было некогда. Спокойный, уравновешенный, немногословный, Глеб Семенович голоса на родных не повышал никогда. Радовался, когда Виктор, окончивший сельскохозяйственный техникум, серьезно стал заниматься тяжелой атлетикой и самбо. Как оказалось, потом ему это очень пригодилось в жизни. Отец никогда не диктовал, кому из детей какую профессию выбирать. Каждый из них делал это самостоятельно.

Как настоящий хозяин и мужчина, фронтовик сам ремонтировал обувь, подшивал валенки, городил заборы. Когда в начале 70-х годов совхоз поставил для семьи рядом со старым новый сруб дома, он очень аккуратно, доска к доске, обшил его внутри и снаружи, навесил ставни. Своими руками, как маститый плотник, срубил все хозяйственные постройки. Ему вообще нравилось что-то сооружать, конструировать. Так, например, из мельничных жерновов соорудил ручную зернодробилку, позже оборудовал ее электроприводом. К нему за помощью в хозяйственных делах часто обращались соседи и знакомые.

Екатерина Михайловна и Глеб Семенович вырастили пятерых детей. Сегодня старший - Николай - бывший водитель и механизатор, уже сам на пенсии, живет в Пузино. В родной школе преподает физкультуру Виктор - по профессии механик, продавцом в Биробиджане работает бывший бухгалтер Людмила, районным центром культуры и досуга в Амурсете руководит Геннадий. Для них родители, прожившие душа в душу 55 лет, - самые дорогие и уважаемые люди. Им они подарили 15 внуков, 20 правнуков, трех

праправнуков. Все дети старались помочь родителям по хозяйству. Очень хотелось, чтобы они пожили подольше.

К военным наградам бывшего зенитчика в мирное время добавились медали «Ветеран труда» и «За освоение целинных и залежных земель». Шутка ли, Глеб Семенович пятнадцать лет отработал механизатором. За эти годы вспахал ни одну тысячу гектаров зяби. Эти земли в Пузино давно считаются старопахотными. Был Баранов бригадиром лучшей в районе молодежной тракторно-полеводческой бригады. Трудился с таким желанием и азартом, что поест порой было некогда. Жена Екатерина возмущалась даже: «Ну куда ты опять, оглашенный, опять всухомятку обедать будешь!»

Вместе с Николаем Слугиным, Александром Пермяковым, Романом Козыревым фронтовик выращивал рекордные урожаи зерновых, сои, картофеля. Сажали тогда в Пузино и арбузы, целыми баржами отправляли их по Амуру в Хабаровск. Село богатело. Только в середине 60-х годов, когда Пузино стало усадьбой одного из отделений Амурского совхоза, здесь появились собственные мастерские. Глеб Семенович, обладавший незаурядными организаторскими способностями, стал начальником машинного двора и руководил здесь еще почти четверть века. Среди коллективов машинных дворов Хабаровского края, Еврейской автономной области, Октябрьского района именно пузиновский не раз признавался победителем в соревновании на лучшую подготовку сельскохозяйственной техники к посевной и уборочной. Не счесть, сколько было внесено ветераном за эти годы рационализаторских предложений по увеличению сроков службы машин и агрегатов. Немало молодых ребят с его помощью стали настоящими механизаторами. Были в их числе и его собственные внуки, которым он тогда уже мог уделять гораздо больше времени, чем когда-то собственным детям. Мальчишки любили деда, часто крутились около него. И он охотно брал их с собой на поле, делился богатым житейским опытом.

Вот как вспоминает о том времени один из пузиновских старожилов, бывший знатный механизатор Николай

Гурьянович Филиппов:

- С Глебом мы вместе работали много лет. Помню, он был парторгом бригады и часто выступал на собраниях. Говорил, что думает, невзирая на лица. И к его мнению прислушивались. Были у него золотые руки и настоящая хозяйская жилка. Бывало, ходит по машинному двору, собирает с земли гайки, шайбы, куски проволоки. Надо – подойдешь к нему, никогда в помощи не откажет. Все у него под рукой, у каждой запчасти – свое место. Когда на пенсию ушел, не мог дома усидеть – долго еще приезжал на своем мотоцикле на полевые станы. Душа, значит, болела за то, что на земле делается. Много лет помогал механизаторам ремонтировать сеялки, бороны. Прекрасно знал всю сельскохозяйственную технику. Ему доставляло удовольствие копаться в ней. Глеб вообще по натуре был созидателем. Поэтому и больно ему было в последние годы смотреть, как уезжает из села в поисках работы молодежь, разрушаются дома, пустеют улицы. Обидно, конечно, и мне, что в Пузино сегодня работают всего два небольших по численности крестьянско-фермерских хозяйства.

Почему мы говорим о Глебе Семеновиче Баранове в прошедшем времени? Потому что его, к сожалению, с нами уже нет. Еще тогда, в сентябре, он чувствовал, что до 60-летия Победы не доживет. Говорил, что ослаб совсем, обессилел, потому что выработался весь. Но ни о чем в своей жизни не жалел, считая, что прожил ее честно. Высшими ценностями для себя он считал человеческую жизнь и мир, ради которого воевал и весь век работал. Беречь его завещал своим потомкам.

Хоронили Глеба Семеновича Баранова всем селом в ясный октябрьский день 2004 года. За гробом шли его родные, механизаторы, учителя, ветераны войны и труда, пограничники местной заставы. И долго надрывно гудели вслед этой печальной процессии автомобили и трактора на машинном дворе. И, казалось, что сама земля, на которой он так много трудился, горько оплакивает своего хозяина и спасителя.

Ирина ДРИНЬ

... И СНИТСЯ БОЙ СОЛДАТУ

Свою жизнь Василий Максимович Жоголев считает вполне удачной. Прошел всю войну от первого до последнего дня. Начинал ее рядовым, завершил сержантом, командиром орудия. Участвовал в Орловско-Курском сражении, битве под Сталинградом, освобождал города, форсировал Вислу и Одер, штурмом брал Берлин. Был несколько раз тяжело ранен, но выжил. Вернулся к мирной жизни. Вырастил детей, помог определиться внучке, а теперь радуется трогательному лепету правнучек. За свои 84 года вкусил сполна добра и лиха, но оптимизма не растерял.

Разве мог он, паренек из дальневосточной глубинки, представить, что побывает в самой цитадели фашизма. В Берлин их часть вошла уже ночью. И если бы не зарево пожаров, тьма была бы крошечной. Отблески огня, с одной стороны, помогали хоть как-то осмотреться, с другой — не давали передвигаться скрытно. Несмотря на чувство постоянной тревоги и ежесекундное ожидание опасности, любопытство все же взяло верх. Стали рассматривать город. Шутка ли, это же самое сердце фашизма.

Город очень красивый, но сильно разрушенный. Василий не мог прийти в себя от волнения: рядом с монументальными, по-немецки строгими готическими зданиями — развалины и выгоревшие коробки. Ближе к центру гитлеровской столицы разрушений стало меньше. Видимо, еще не добрались сюда ударные советские силы.

«Душу переполняла гордость, — вспоминает солдат. — Мы, простые воины, добрались до звериного логова. А не по нашей вине горе человеческое пошло. Каждый не раз видел смерть, хоронил своих товарищей. Теперь погибать не хотелось вдвойне».

Между тем, бои еще не кончились. За несколько часов до победы на некогда аккуратные, а теперь взрытые осколками мостовые падали солдаты. Враг таился за каждым домом. Смерть могла прийти не только от пуль, но и от куса шифера, слетевшего с соседней крыши. Василий старался об этом не думать. Как говорится, не поминай лиха — будет тихо.

Пока выбирали подходящую позицию, нагрянули самые страшные и неуязвимые фашистские «Тигры». Этакие серые шкафы со свастикой на боках. Шли уверенно, гады, словно не мы ступили на ихнюю землю, а они уютжат нашу. Наши танки вступили в неравный бой и вскоре задымились.

Неужели придется отступать? Нет! Так совсем не пойдет. Артиллерия на что? Без риска бой не выиграть. Бойцы оказались в тупике, откуда, казалось, нет выхода: с одной стороны стена дома, с другой — наступает «Тигр». Спрятаться некуда. Стальная машина начала разворачиваться, еще миг —

и размажет горстку солдат прямо по каменной стене. Но Жоголев не растерялся:

- Расчет, слушай мою команду! Заряжай! Как сдаст чуть левее, бей прямо в топливную часть.

Решение оказалось верным. Неуязвимое орудие имело-таки слабое место. Танк вспыхнул, как факел, немцы кубарем скатились через люк на землю и получили порцию свинца. Тут и наши подоспели. Ни одному врагу уйти не удалось. Командир батареи прослезился и расцеловал своих боевых орлов.

Чем глубже заходили в город, тем больше опасностей подстерегало на каждом шагу. На глазах у нашего земляка срезало автоматной очередью командира соседнего орудия, а сам он легко отделался. Рикошетом пуля вырвала клоч бушлата, оцарапав тело, и снесла полпальца. Хотели забрать в медсанбат, да он не дался:

- Вам, живодерам, лишь бы резать. Не дам! Палец заживет, будет действовать.

Первое свое ранение он получил в Смоленской области, еще будучи автоматчиком. С карабином без штыков выбили "на ура" немцев из первой траншеи. А на ровной местности враг начал косить из миномета без передышки, всех уложил.

Жоголев истекал кровью. Сознание то покидало израненное тело, то возвращалось. В очередной раз очнулся от толчка: незнакомый солдат обшаривал карманы. Увидев, что раненый пришел в себя, спросил, есть ли сухари. А коли нет, бросил умирать. Там и встретил бы свою смерть, но, видно, не судьба была. Сержант из этой же части вытащил из пекла. Так попал с поля боя в госпиталь.

За всю войну вереница госпиталей для него была страшной передовой. Ох, как не любил Василий зависеть от кого-то, чувствовать себя немоощным! Чуть легчало, начинал изводить врачей просьбами отпустить его на фронт.

Подлечили и в этот раз, вернулся в строй. Что может остаться калеккой или погибнуть, не думал. "На это просто не хватало времени", - шутит он.

Он не пережил этого чувства даже в жуткой мясорубке - на Орловско-Курской дуге, где стоял крошечный ад. Бомбили с земли и с воздуха. Над нашими позициями сначала появилась "рама" и двухфюзеляжный «Фокке-Вульф». "Рама" сделала несколько кругов, сбросила четыре бомбы и улетела. Через несколько минут около двух десятков немецких самолетов висели над нашими бойцами. Они пикировали до самой земли, и казалось, что вот-вот в нее вонзятся. Бросали сразу по десятку бомб и взмывали вверх. Затем, включив сирену, снова шли в атаку. Только уходили бомбардировщики, бойцы поднимались с земли-спасительницы и готовили орудия к бою.

Дважды что-то противно скрипнуло, будто огромные листы железа потерлись друг о друга. Стали рваться мины страшной разрушительной силы. Это заговорил "дурила", как называли его красноармейцы, - немецкий шестиствольный миномет.

Непрекращающаяся бомбежка с воздуха, ни на минуту не унимающийся ливень огня вынудили сразу залечь прямо на открытой местности, где ни бугорка, ни деревца. Передвигаясь короткими перебежками, меняли позицию. Сколько раз? Казалось, бесконечно.

Небо было в черном дыму от горящей техники, хлеба, подсолнухов, зрело желтевших до боя. Теперь все было испепелено. Вокруг лежала дымящаяся земля.

В висках стучала одна мысль: успеть откатить орудие, зарядить бронебойными - по танкам, осколочными - по пехоте, не упустить, с какой стороны появится враг. Не успеешь - погубишь людей и погибнешь сам. Подбитых танков и убитых немцев никто не считал. Непонятно было, то ли твое орудие попало в цель, то ли соседний расчет. Тогда удалось разбить вражескую колонну с боеприпасами.

К ночи бой утих. Слышалась только редкая оружейная перестрелка. Чудовищное моральное и физическое напряжение спало. Люди расслабились. Жоголев привстал, да не успел выпрямиться в полный рост. Что-то огненное перечеркнуло всю правую половину туловища. Короткий резкий удар, и время остановилось.

Свинец, застрявший в плечевом суставе, удалил хирург в Курском госпитале.

- Еще повоюешь, солдат. Ты живучий, хотя много крови потерял.

То ли слабость от ранения, то ли торжественность момента повлияли, но Жоголев едва сдержал слезы, когда прямо в госпитале ему за тот бой вручили орден Красной Звезды и благодарность Верховного главнокомандующего И.В.Сталина. А всего таких благодарностей семь.

На парадном пиджаке фронтовика — ордена Отечественной войны I степени и Славы III степени, боевые медали (не считая юбилейных) “За взятие Берлина”, “Победу над Германией”, “Освобождение Варшавы”.

В Варшаве не все были рады победителям. Эшелон с нашим земляком стоял на запасном пути в ожидании паровоза. Солдаты голодные, а тут неподалеку как раз хлеб продавали — мягкий, пышный. Запах от него шел такой мирный, почти забытый — пшеничный, аж голова кружилась и желудок сводило. Купили, нарезали большущими ломтями, открыли тушенку. Только ко рту поднесли, команда по всему составу:

- Кто брал хлеб, срочно пройдите в голову поезда!

Хлеб-то оказался с толченым стеклом. Вот и “благодарность” за освобождение.

Пол-Европы истоптал своими ногами, сменив десятки пар сапог, солдат из Облущья. Много фашистской нечисти уничтожил и заплатил за это непомерно дорогую цену.

Война постоянно напоминает о себе. Ноют ноги, это сказывается многочасовое ожидание в ледяной воде.

Стояли в резерве главного командования. Приказ: не двигаться с места, дабы не привлекать внимания. Нижние конечности потеряли чувствительность до такой степени, что он думал: всё, остался без ног. Но тогда он был молодой, здоровый — обошлось.

Сколько же всего в нем было осколков и осколочков? Да несчетное количество. Как-то облущенский хирург В.А. Михайлова сказала ему:

- Ты, Жоголев, весь начинен осколками, как патрон

порохом. Чтобы их извлечь, надо снять с тебя всю кожу.

Один из застрявших в позвоночнике превратил жизнь в сущий ад. Даже известные доктора из краевого центра твердили в один голос: нельзя его трогать, нет гарантии, что операция пройдет успешно, можешь на всю жизнь остаться калек. И отсылали домой. С каждым разом все труднее удавалось проходить медкомиссию, доказывать, что без помощи Василия Максимовича мать и братишка пойдут по миру.

Как-то один из светил сказал:

- У вас в Облучье есть прекрасный хирург Лопатин. Обратитесь к нему.

Через сорок с лишним лет свинцовая "заноза", отравляющая жизнь, наконец была извлечена. Уникальная операция прошла успешно. Десять дней солдат походил на кокон, столько бинтов ушло на перевязки, что хватило бы устелить дорогу от Облучья до Хабаровска.

А про несчетное количество осколков он не преувеличивает. До сих пор они еще сидят в нем. И организм не отторгает их, видимо, не считая чужеродными телами. Свыклись, сроднились за многие десятилетия совместного существования.

Как-то Василий Максимович задумал слетать на запад к родственникам на самолете. Но подумал: проверку через металлоискатель не пройти, столько свинца осталось в теле, что звону будет на весь аэропорт. Поехал на поезде.

Ехал и вспоминал те, давние, дороги, и особенно часто намертво засевший в памяти военный эпизод. В чистом поле, только изрытом вдоль и поперек, - белая печка с удивительно белой и тонкой трубой. Раньше здесь была деревня. Люди жили, печи топили. Именно за такие деревеньки и свою нахальную самонадеянность гитлеровцы получают сполна. На нашей земле, подумал тогда Жоголев, они точно узнали, и еще узнают, сколько сажень в русской версте. Это тебе не парадные военные прогулки по Европе.

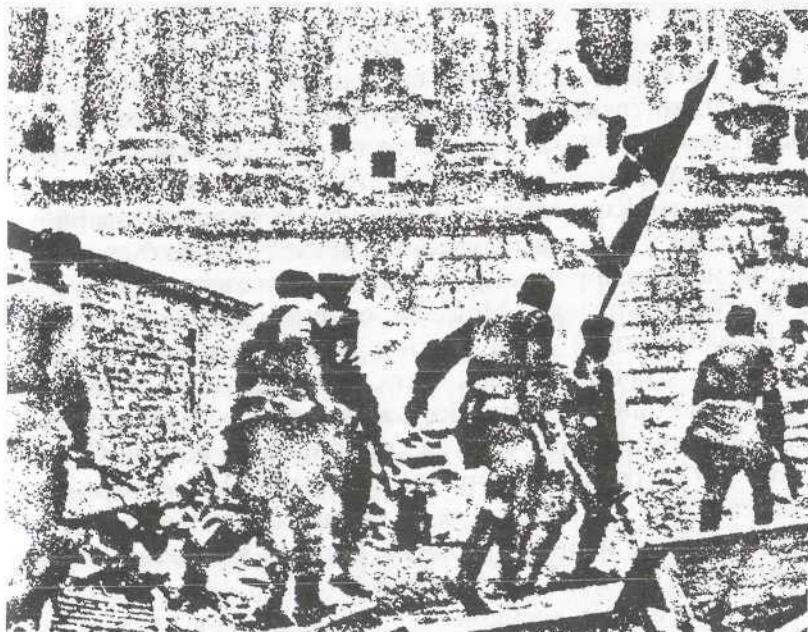
И в труде отважный воин был прилежен, как в бою. После войны сначала устроился кочегаром, потом стал машинистом тепловоза. Обучил десятки молодых ребят искусству вождения поездов. Заслужил медаль “За трудовую доблесть”. В 1976 году ушел на заслуженный отдых. Словом, сполна отдал долг Родине — и ратный, и трудовой.

В канун 55-летия Победы ветеран сменил маленький домишко под самой сопкой, где от проходящих мимо поездов звенели стекла в окнах и посуда в серванте, на уютную квартиру в новом доме. Жаль, что жена, с которой прожили 36 лет, не дождалась этого радостного события.

Вместе с фронтовиком здесь поселились его воспоминания и сны. Часто снятся ему бой и еще живые товарищи. Он приказывает зарядить орудие. В ответ — тишина. Оглядывается, все уже мертвы. И кричит во сне солдат. От несправедливости и безысходности. И просыпается от собственного крика.

Александра ДНЕПРОВСКАЯ

ИВАНОВА ЮНОСТЬ

Черкашин Иван Антонович призван в армию в 1942 году Ленинским райвоенкоматом. Участвовал в боях с немецко-фашистскими захватчиками в составе войск Второго Белорусского фронта. Награжден орденами Славы II степени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», многими юбилейными медалями.

В августе 42-го председатель колхоза «Яркий луч» получил повестки из военкомата. Прочитав, цокнул недовольно: забирают лучших трактористов, двух Иванов: Коростылева и Черкашина. Но медлить не стал, завел старую полуторку и попылился к новине, что нынешней весной была этими же парнями очищена, вспахана, засеяна, а сейчас наполовину и убрана. Урожай случился добрый, если б не это лихолетье, колхоз по итогам наверняка бы вышел в передовики.

Заглушив трактора и ополоснув лицо запасенной впрок водой, парни лихо вскочили в кузов и поехали в свою деревню Чурки к мамкам — пускай на войну собирают. Ветер трепал светлый чуб Коростылева и смоляные волосы товарища. Настроение у восемнадцатилетних друзей-однокурсников было самое что ни на есть хорошее: уж они врагу покажут, уж они к-э-эк из ружья запуляют! Может, с орденом домой вернуться.

На следующий день Ивановы вместе с председателем подъехали к крыльцу военкомата. Возле него уже толпилось десятка два призывников. Все оживленно болтали, стреляли друг у друга папиросы, многие крутили козыжки. Скорее всего, это биджанские, они все так курят. Мимо то и дело пробегали девчата в отрезных по талии платьях и набеленных тапочках. Одна из них стрельнула глазами в сторону Ваньки Черкашина: ишь, какой чернявый!

Наконец вышел военком.

— Так! — крикнул. — Стройся!

Всех в строй ставит, а смуглого чуркинца рукой попридержал:

— Погоди-ка.

— Чё так? — возмущился парень.

— Хлеб доубираешь, тогда и поговорим.

Весь обратный путь повеселевший председатель напевал и насвистывал, а Ваня сидел мрачнее тучи: скажут еще в деревне, что больной, коли не взяли.

Хлеб он убрал, работал ночами, передыху не делал, уже и зябь пришло время пахать.

А ночами он любил пахать, его молодое тело было

крепким, глаза зоркими, да еще им в помощники даны были луна и фары. В их свете и увидел он однажды коня, а на нем председательшу сельсовета.

- Эй! - позвала. — Тебе повестка. Завтра — в военкомат! - и ускочила.

Мать собирала с плачем. Мужа и второго сына Пантюшу она год назад на фронт проводила, а вестей пока не дождалась. Средний Миша еще в 37-м сгинул, а теперь и младшего призывали. Хорошо, хоть старший Василий при ней будет, бронь у него. Хлеб фронту не меньше пушек нужен.

Военком кивнул Ивану, как знакомому, уже на станции, куда его и кукелевца Игната Лопатина привезли, чтобы отправить на место военной службы.

Ехали с пересадками, но недолго — в Приморье. Там, на месте, сказали, что будут они конниками, а для начала подите-ка убирать в тамошнем колхозе рис.

Ну и диковинная же культура! Стоит «по уши» в воде и растет! Правда, этого Ваня не видел. До уборки за две недели водичку спустили, но все равно его, бывалого механизатора, прошедшего полный курс МТС, этот рис и впрямь с панталыку сбивал: ну как можно при такой мокрени расти и не гнить? И это его, за трактором которого с криками бежала местная ребятня! Особенно докучала Маруська Незнамова со своим «дядь Ваня», а ему самому до дяди расти да расти было.

Но главный вопрос был, конечно, не в этом. «Когда на фронт?» - шепталось молодое пополнение 179-го арtpолка II кавалерийского корпуса, которым до дня своей гибели в 41-м командовал легендарный Доватор.

Через месяц их отправили в Москву, оттуда пошли на Курск, а дальше уж в Брянские леса пошли.

Два коня было у Ивана: Монгол и Парус. Монгол погиб, Парус был сдан в конце войны в народное хозяйство города Кенигсберга по приказу командования. А до этого они с ним много дорог вместе прошли. Лошади были в полку прежде

всего тягловой силой, они волочили за собой пушки и минометы.

- Были бы танки, и танки тянули бы, - шутит ветеран. — Ты, случаем, не знаешь, есть у нас памятники лошадям? Будь моя воля, я бы поставил.

В Брянских лесах его арtpолк прошел по брянскому бездорожью в самую глубь лесов 150 километров. Через реку заняли плацдарм, предусмотрительно взорвав мост, и начали обороняться винтовками, в которых не было патронов, с лошадьми, измученными донельзя, и без грамма провизии, даже соли не было. Кормили их всех те же лошади. Голод не хуже войны притупляет человеческие чувства: мало у кого из хозяев блестела в глазах слеза, когда приходил черед пускать в расход его четвероногого друга.

Однако врага они к себе не допустили, даже станцию заняли, пустив в ход 76-дйймовые пушки. Там же захватили немецкий состав с оружием. Теперь можно было идти на врага и в открытое поле. Но у врага были танки.

- А у нас — бутылки с зажигательной смесью, и они оказались посильнее машин, — сказал Иван Антонович и надолго замолк.

Мимо окна, у которого мы сидим, спешат редкие прохожие. Живет ветеран не в центре села Ленинского, в стороне от трассы, зато недалеко от исчезнувшей в годы перестройки Сельхозтехники, владевшей тогда большими мастерскими и в штате которой состоял бывший фронтовик Черкашин в должности заведующего этими мастерскими. Уважали его на работе все неподдельно: от начальника до новичка, который на второй же день своей практики понимал, что этот невысокий человек, спокойный и знающий, есть и будет его настоящим наставником, о котором в юности мечтают если не все, то многие.

- После этого, - вернулся к разговору мой собеседник, - мне присвоили звание младшего сержанта. Был наводчиком - стал командиром орудия: первая батарея, первый расчет. Знаешь, у нас не только война была. Мы Русланову слушали,

она к нам в полк приезжала. Не красавица, но пела-а!

На Берлин Второй Белорусский фронт (в его составе был кавалерийский корпус, в котором служил наш сержант-артиллерист) пошел, соединившись со Вторым Украинским.

- Были в моей военной судьбе и Варшава, и Берлин, и встреча на Эльбе, и заграничная жизнь до 47-го года, - перебирая боевые награды, вспоминает Иван Антонович, - а сейчас возраст вместе со здоровьем и память отнимает. Вот в больницу на днях попал. Ночью во сне вижу чьи-то лица, рты открытые, а что кричат - не слышу. И будто взрывы кругом и кони. Я соскочил с кровати и бежать. Медсестра догнала. Давно я войну во сне не видел.

...Вернулся Иван в свои Чурки 23-летним фронтовиком. «Здравствуйте, дядь Ваня», - здоровалась при каждой встрече повзрослевшая Маруся Незнамова. «Здорово», - буркал «дядя» и думал недовольно: «И чё эту соплячку батька в жены навязывает?»

А отец только ее в невестах и видел! Тринадцатилетняя девочка после того, как ее мать получила травму позвоночника от лопнувшей веревки на бастрике во время копнения сена, взяла на свои детские плечи груз непомерный: лежащую недвижно мать, двух малолетних сестер и брата да еще хозяйство. Антон Черкашин сам помогал ей плести из хвороста сарай и обмазывать его глиной, чтоб тепло было в нем коровам, свиньям, уткам, курам. Господи, она еще умудрялась бегать в коровник колхозных коров доить! И красивая была по-настоящему, без всяких румян и завивок.

- Герою - геройская жена, - без тени улыбки говорил батька - потомственный забайкальский казак.

Вышла Маруся замуж за Ивана в 15 лет. Женился он на ней вовсе не по указке, а по любви. Нагляделся за время своей послевоенной жизни на девушку-хлопотунью вдоволь. Действительно, не было ему лучшей пары. А то, что годами маловата, не шибко и важно. Горя она хлебнула - на двух вековых хватит.

Сам же Иван по-прежнему выдавал на своем железном

коне ЧТЗ рекорды: пахал по 100 гектаров за смену. В напарниках был его брат Василий. Брат Пантелей с фронта не вернулся.

Из Чурков молодые переехали вслед за переведенной в Нижне-Ленинское МТС. Новый председатель провожал их на новой полutorке навстречу новой жизни скрепя сердце: без этих трудяг померкнет «Яркий луч».

Нарожали Черкашины четверых детей, как по заказу. Ведь и в Ивановой семье было четверо, и в Марусиной, и они не подкачали. Только судьбы их ребят сложились полегче, чем у мамы с папой. А у детей их детей еще лучше складываются.

Вот и хорошо, так и должно быть.

СОДЕРЖАНИЕ

Николай Сулима. Не хотели посмертной славы	7
Ирина Манойленко. Жемчужина в военной оправе	24
Ада Котова. Еврейский богатырь, русский солдат Абрам	37
Ирина Дринь. “Мы за ценой не постоим...”	42
Ефим Кудиш. Трижды славен солдат	51
Нина Филипкина. Его и поныне выносят из боя	56
Александра Днепровская. Ордена догоняли его	60
Анатолий Рабинович. “Годен к нестроевой...”	67
Надежда Гришина. Всем мукам вопреки	76
Ирина Дринь. ...И снится бой солдату	84
Александра Днепровская. Иванова юность	91

Редактор М.Клименков

Художественный редактор Е.Вепринский

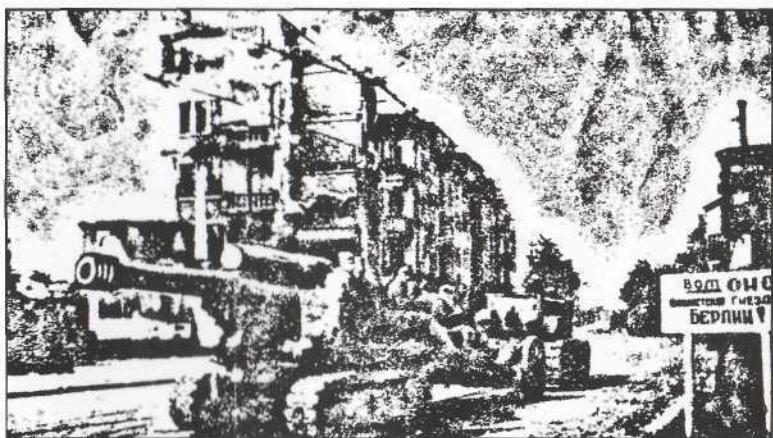
Составители Е. Кудиш, А. Рабинович

**Фото С.Балбашова, Е.Вепринского,
А.Клименкова, М.Шестопалова**

**В сборнике использованы фотографии
фронтовых фотокорреспондентов из альбома
«Антология советской фотографии 1941-1945 гг.»,
а также из личных архивов героев очерков**

**Сверстано и отпечатано
в ГОУ «Редакция газеты «Биробиджанер штерн»**

Тираж 1000 экз.

И.П. Вепринский Е.Б. 2005 г.
г. Биробиджан, ул. Ленина 39 офис 2
телефон/факс (42622) 6-54-03
E-mail: efrass@mail.ru